

ОТ АВТОРА МЕЖДУНАРОДНОГО БЕСТСЕЛЛЕРА #1,
ПЕРЕВЕДЕННОГО НА 27 ЯЗЫКОВ МИРА

СЛОВА, КОТОРЫЕ МЫ НЕ СКАЗАЛИ

*Яркая проза,
сильная героиня,
взрывной
сюжет.*

KIRKUS REVIEWS

ЛОРИ
НЕЛСОН
СПИЛМАН

Лори Спилман

Слова, которые мы не сказали

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Спилман Л. Н.

Слова, которые мы не сказали / Л. Н. Спилман —
«Центрполиграф», 2015

«Прощение – штука не менее сложная, чем жизнь и любовь», – утверждает Фиона Ноулс, адвокат, которую неудачная карьера и жизненные трудности подтолкнули к идее использования камней прощения. Они стали для многих способом помириться с дорогим человеком, залечить раны на сердце, а кому-то, как Анне Фарр, ее подругам Дороти и Мэрилин, принесли немало боли. И все-таки каждый получил возможность понять, что сделать выбор удивительно просто, надо только решить, хочешь ли ты на всю жизнь огородить себя от мира или жить открыто, ничего не стыдясь.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

© Спилман Л. Н., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	44
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Лори Спилман

Слова, которые мы не сказали

Lori Nelson Spielman
SWEET FORGIVENESS

Copyright © 2015 by Lori Nelson Spielman

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Глава 1

Это продолжалось сто шестьдесят три дня. Я листала дневник и считала. А теперь она написала книгу. Эта женщина восходящая звезда. Эксперт по искусству прощать. Ирония судьбы. Разглядываю ее фотографию. По-прежнему милое лицо, взъерошенная мальчишеская стрижка, нос кнопкой. Но сейчас ее улыбка кажется искренней, во взгляде нет былой насмешки. Тем не менее ее образ заставляет мое сердце биться чаще.

Швыряю газету «Таймс-Пикаюн» на кофейный столик и тут же хватаю ее снова.

«ПРИЗНАНИЕ ВИНЫ

Автор Брайан Мосс, Новый Орлеан.

Можно ли прощением излечить старые раны, или некоторые тайны лучше никогда не раскрывать?

По мнению тридцатичетырехлетней Фионы Ноулс, адвоката из Ройал-Оук, штат Мичиган, желание загладить вину за прошлые ошибки – важный шаг на пути к достижению душевного покоя.

«Признать вину непросто, – утверждает Ноулс. – Большинство из нас не склонны демонстрировать собственную слабость, вместо этого мы стараемся подавить в себе чувство вины и стыда, надеясь, что никто не сможет увидеть то, что мы тщательно скрываем. Избавление от гнета вины дарит свободу».

Мисс Ноулс знает, о чем говорит. Ее теория появилась весной 2013 года, после того как она написала 35 писем с извинениями. И к каждому приложила мешочек с двумя камушками, которые назвала Камни прощения. Теория Фионы Ноулс проста: необходимо прощать и просить прощения.

«Внезапно я поняла, что людям необходимо прощение, в них живет желание искупить вину. Ветер подхватил мои Камни прощения, как семена одуванчика, и понес по миру».

Заслуга ли это ветра или мисс Ноулс, но Камни прощения работают и помогают людям. Известно, что на сегодняшний день в обращении находится почти 400 тысяч камней. В четверг, 24 апреля, в книжном магазине «Октавия» состоится встреча с мисс Ноулс. Она расскажет о своей новой книге, которая, вероятно, будет называться «Камни прощения».

Подпрыгиваю от неожиданности, когда сигналит мобильный телефон, сообщая, что уже пять сорок пять – пора идти на работу. Руки дрожат, когда я запикиваю газету в объемистую сумку. Беру ключи, пластиковый стакан и направляюсь к выходу.

Три часа спустя, после анализа ужасающего рейтинга прошлой недели и обсуждения захватывающей темы (как правильно пользоваться автозагаром), я сижу в своем кабинете – гримерной – с запутанными в волосах бигуди и парикмахерской накидкой на плечах поверх рабочего платья. Начинается мой самый нелюбимый этап. Думаете, после десяти лет работы перед камерой к этому можно привыкнуть? На грим полагается приходиться без макияжа, и я чувствую себя так, словно стою в купальнике в свете софитов перед толпой зрителей. Я уже привыкла извиняться перед Джейд за необходимость лицезреть выбоины на моем носу, известные как расширенные поры, и круги под глазами, с которыми я выгляжу так, словно играла в футбол. Однажды я попыталась стащить из ее косметички кисточку для нанесения основы, чтобы потом обвинить в неспособности замаскировать огромный прыщ на моем подбородке. Как любил говаривать мой отец: «Если бы Богу было угодно, чтобы лицо женщины оставалось девственно-чистым, он бы не создал декоративную косметику».

Пока Джейд колдует над моим лицом, я перебираю стопку корреспонденции и внезапно холодею. Желудок подпрыгивает к горлу. Письмо лежит в середине стопки среди других конвертов, виден лишь правый верхний угол со штемпелем Чикаго. *Да ладно, Джек, довольно уже!* Он не давал о себе знать почти целый год. Сколько раз мне повторять ему, что все в порядке, он прощен, а я спокойно живу дальше? Отдвигаю стопку, предварительно выравнивая так, чтобы угол злополучного письма не был виден, и беру ноутбук.

– Дорогая Анна, – читаю я вслух, открыв послание электронной почты с единственной целью прогнать мысли о Джеке Руссо. – Мы с мужем каждое утро смотрим Ваше шоу. Он говорит, что Вы потрясающая, считает Вас второй Кэти Курик.

– Смотрим вверх, мисс Курик, – командует Джейд и начинает прокрашивать нижние ресницы угольно-черным карандашом.

– Угу... Кэти Курик, только без миллионов долларов и толп обожателей... И красавиц дочерей, и прекрасного мужа...

– Это все будет, – говорит Джейд с такой уверенностью, что я почти ей верю. Сегодня она выглядит лучше, чем обычно, собранные в хвост дреды открывают лицо, видны огромные глаза и безупречная шоколадная кожа. На ней простые лосины и черный халат с множеством карманов, из которых торчат кисточки различных размеров, скошенные под разным углом. Джейд берет кисть для подводки, а я возвращаюсь к письму.

– Лично я считаю, что Кэти слишком переоценивают. Мне нравится Хода Котб. Она такая смешная.

– О! Вот так тебе, – произносит Джейд.

Я хихикаю и продолжаю:

– Мой муж утверждает, что Вы разведены, а я говорю, что никогда не были замужем. Кто из нас прав?

Поднимаю руки и кладу на клавиатуру.

– Дорогая миссис Никсон, – произношу я вслух то, что печатаю. – Благодарю Вас за то, что смотрите шоу Анны Фарр. Надеюсь, Вам и мужу понравятся новые выпуски. (Кстати, я с Вами согласна, Хода великолепна.) Желаю Вам всего самого лучшего.

– Эй, ты не ответила на вопрос.

В упор смотрю на отражение Джейд в зеркале. Она качает головой и берет палетку теней.

– Ты же не ответила.

– Я соблюла приличия.

– Ты всегда соблюдаешь приличия. Даже слишком этим увлекаешься, по моему мнению.

– Да, пожалуй. Даже когда жаловалась на того заносчивого шеф-повара из программы на прошлой неделе. Мейсон, не помню, как его, замучил меня односложными ответами на каждый вопрос. Мне же надо думать о рейтингах! Господи, а теперь еще и эта Клаудия. – Поворачиваю голову к Джейд. – Я говорила тебе, что Стюарт подумывает сделать ее моей соведущей? Он хочет от меня избавиться!

– Закрой глаза, – велит Джейд и начинает водить кисточкой по моим векам.

– Эта женщина появилась в городе всего шесть недель назад, а уже популярнее меня.

– Где уж там! – восклицает Джейд. – В этом городе тебя считают своей. Но это не заставит Клаудию Кэмбелл отказаться от попытки захватить власть. Мне все это очень не нравится.

– Не вижу ничего страшного. Она амбициозна, это верно, но по сути человек неплохой. Меня больше беспокоит Стюарт. Его интересуют рейтинги, а мои последнее время...

– Черт, знаю я. Ничего, они опять поднимутся. Тебе просто надо быть внимательнее. Мисс Клаудия привыкла побеждать. Где это видано, чтобы начинающая ведущая из WNBC Нью-Йорк надеялась на что-то большее, чем место в утренних новостях?

В тележурналистике своя иерархия. Большинство из нас начинают с ведущего пятиминутных новостей, что означает подъем в три ради аудитории из двух человек. Только через девять

месяцев мне улыбнулось счастье, и я стала вести новости в выходные дни, а потом и дневные новости. На этом месте я задержалась на долгие четыре года. Стать ведущей вечернего выпуска все равно что выиграть главный приз, и мне повезло оказаться в WNO в нужное время. Тогда как раз ушел на пенсию Роберт Джекобс, а точнее, если верить слухам, его заставили уйти, и Присцилла предложила мне его место. Рейтинги мгновенно взлетели. Вскоре я уже работала день и ночь, вела благотворительные мероприятия, церемонии по сбору средств и даже празднования по случаю Марди Грас. К моему собственному удивлению, я вскоре стала местной знаменитостью, что до сих пор не укладывается в голове. Мой взлет продолжался, к счастью, я не задержалась на месте ведущей вечерних новостей. «Город-полумесяц» «влюбился в Анну Фарр» – так, по крайней мере, говорили, – и через два года мне предложили вести собственное шоу. Это невероятная удача, ради нее большинство журналистов готовы на все.

– Ох, неприятно признаваться в этом, солнышко, но «Шоу Анны Фарр» уже очень давно не на первых строчках рейтингов.

Джейд равнодушно пожимает плечами:

– По-моему, это лучшая программа во всей Луизиане. Поверь мне, Клаудия исходит слюной. Раз уж она здесь, значит, ее интересует одно-единственное место – твое. – Звонит телефон Джейд, и она сосредоточенно смотрит на экран. – Не возражаешь, если я отвечу?

– Конечно, – киваю я, довольная возможности прервать разговор. Говорить о Клаудии нет никакого желания. Красивая блондинка двадцати четырех лет, эффектная и, самое главное, значительно моложе меня. Ну почему ее жених живет именно в Новом Орлеане, а не в любом другом городе страны? Красивая, молодая, талантливая, да еще и помолвлена! Она обошла меня по всем пунктам, включая личную жизнь.

Джейд внезапно повышает голос.

– Ты серьезно? – почти кричит она в трубку. – Ведь у папы встреча с врачом в «Вест Джефферсон медикал». Я вчера тебе говорила.

Я внутренне напрягаюсь. Это ее уже почти бывший муж, отец их двенадцатилетнего сына Маркус – или Главный Идиот, как с недавнего времени называет его Джейд.

Захлопываю крышку ноутбука и беру стопку писем, желая сделать вид, что всецело занята делом. Перебираю конверты, отыскивая тот, на котором стоит штемпель Чикаго. Я прочитаю письмо Джека, приму его извинения и напишу ответ, в котором объясню, что счастлива и ему того желаю. От этих мыслей мне сразу становится скучно. Достаяю из стопки конверт и внимательно разглядываю. Вместо адреса Джека в левом верхнем углу читаю: «WCN News». Так оно не от Джека? Какое счастье.

«Дорогая Анна!

Мне было очень приятно познакомиться с Вами в прошлом месяце в Далласе. Ваше выступление на конференции NAB было весьма эмоциональным и интересным.

Как я упомянул в нашем разговоре, WCN планирует новое утреннее шоу под названием «Доброе утро, Чикаго». Как и «Шоу Анны Фарр», оно будет нацелено на женскую аудиторию. Наряду с легкомысленными и веселыми темами мы будем поднимать серьезные вопросы, говорить о политике, литературе, искусстве и событиях в мире.

В настоящий момент мы рассматриваем кандидатуры на роль ведущей, в связи с чем хотели бы встретиться с Вами. Этот проект мог бы Вас заинтересовать? На собеседовании мы также хотели бы услышать от Вас интересные предложения по темам программы.

Искренне Ваш,
Джеймс Питерс,
старший вице-президент,
WCHN Чикаго».

Ничего себе! Значит, он говорил серьезно, когда пытался увести меня в сторонку на конференции Национальной ассоциации телерадиовещателей? Он смотрел мое шоу, да, он знает, что рейтинги моей программы падают, но видит во мне огромный потенциал, необходимо только предоставить мне возможность правильно себя проявить. Может, он имел в виду именно эту возможность? А как приятно, что на канале интересуются моими идеями. Стюарт редко со мной считается.

– В утренней программе должны быть четыре темы, которые интересны людям, – утверждает он. – Жизнь знаменитостей, секс, потеря веса и красота.

Попробуй я отступить от этого, и голова слетела бы с плеч через две секунды.

Мгновенно возвращаюсь в реальность. Мне не нужна работа в Чикаго – городе в девяти тысячах миль отсюда. Я много вложила в Новый Орлеан и люблю этот дихотомический город, люблю его аристократичность, твердость и выдержанность, люблю джаз, сэндвичи «По-бой» и огромных лангустов. А самое главное, я влюблена в мэра этого города. Я открыто заявляю об этом, хотя Майкл меня и не слышит. Он новоорлеанец в третьем поколении, и уже подрастает четвертое – его дочь Эбби. Мне приятно чувствовать себя здесь своей.

Джейд заканчивает разговор, вены на ее лбу вздуваются от напряжения.

– Вот осел! Папа не может не поехать на встречу. Вместо того чтобы его отвезти, этот идиот опять меня подвел. Вчера он сказал: «Нет проблем, я заберу его по дороге на станцию». Я должна была предвидеть. – Ее темные глаза сверкают в зеркальном отражении. Она отворачивается и начинает набирать номер. – Может, Натали сумеет вырваться...

Сестра Джейд занимает должность директора школы. Она ни за что не сможет.

– В котором часу встреча?

– В девять. Маркус говорит, что невероятно занят. Конечно, занят. У него утренняя кардиотренировка в кровати.

Смотрю на часы: 8:20.

– Иди, – решаю я. – Врачи всегда опаздывают. Если поторопишься, успеешь.

Джейд хмурится:

– Как я могу тебя бросить? Грим еще не закончен.

Я невольно подпрыгиваю на стуле.

– Что? Полагаешь, я забыла, как надо краситься? Иди, иди, – буквально выталкиваю я Джейд.

– Но если узнает Стюарт...

– Не волнуйся. Я тебя прикрою. Только непременно вернись к тому времени, когда нужно будет приводить в порядок Шери для вечерних новостей, иначе мы обе пропали. – Пальцем указываю на выход: – А теперь иди.

Джейд косится на дверь и молча кусает губы. Внезапно меня осеняет: Джейд приехала на общественном транспорте. Хватаю сумочку и достаю ключи.

– Возьми мою машину.

– Что? Нет, я не могу. Что, если...

– Это всего лишь машина, Джейд. Ее можно починить и заменить. В отличие от твоего отца. – Вкладываю ключи ей в руку. – А теперь поторапливайся, пока не пришел Стюарт. Не дай бог, он увидит, что ты со мной не закончила.

Джейд с облегчением выдыхает и бросается меня обнимать.

– Спасибо тебе большое. Не волнуйся, я буду очень аккуратна с машиной. Всего тебе наихудшего, – бросает она на прощание любимую фразу. Вскоре из глубины коридора до меня доносится: – Я твоя должница, Аннабель.

– И не надейся, что я об этом забуду. Поцелуй от меня отца.

Я закрываю дверь и остаюсь одна в кабинете, где мне предстоит провести еще тридцать минут до начала эфира. Нахожу бронзатор и наношу на лоб и переносицу. Затем, высунув руку из-под накидки, беру письмо мистера Питерса и иду мимо дивана к столу. Вне всяких сомнений, эта работа – отличный шанс, особенно учитывая последние неудачи. У меня появилась возможность работать не в пятьдесят третьей в рейтинге телестанции, а в третьей. Возможно, через несколько лет я доросла бы до таких программ на национальном телевидении, как «Джи-эм-эй» или «Сегодня». Моя зарплата гарантированно выросла бы раза в четыре.

Медленно опускаюсь в кресло. Разумеется, мистер Питерс видит ту же Анну, что и все остальные: одинокую женщину, без корней, не отягощенную семьей, карьеристку, готовую с радостью собрать вещи и переехать в другую часть страны ради денег и большой должности. Взгляд падает на фотографию с отцом на премии «Выбор критиков» в 2012 году. Закусываю губу, вспоминая ту роскошную вечеринку. Блеск в глазах отца, его красный нос говорит о том, что выпил он уже немало. На мне восхитительное серебристого цвета платье с пышной юбкой, на лице счастливая улыбка. Но глаза при этом запавшие, в тот вечер я и чувствовала себя опустошенной, сидя за столом в компании отца. И причина не в том, что я не получила премию, а в том, что мне было одиноко. Вокруг номинантов и победителей толпились супруги, дети, трезвые родители. Они смеялись и радовались, а потом все вместе танцевали и веселились от души. Мне хотелось, чтобы и у меня было так же.

Беру еще одну фотографию: мы с Майклом плывем на яхте по озеру Понтчартрейн, золотистые волосы Эбби развеваются до самой рамки. Она сидит чуть правее на носу спиной ко мне. Возвращаю фотографию на стол. Пару лет назад я надеялась, что на ее месте будет стоять совсем другая: я и Майкл на фоне милого домика, рядом Эбби и, возможно, наши общие дети.

Кладу письмо мистера Питерса в отдельную папку с пометкой «Интересно», где уже хранятся дюжины конвертов с похожими предложениями, полученными за последние годы. Сегодня вечером я отправлю ответ с привычным текстом – благодарю, но отказываюсь. Майклу не нужно об этом знать, поскольку какой бы пафосной и старомодной ни казалась эта фраза, но работа в Чикаго ничто по сравнению с возможностью обрести семью.

Но когда она у меня будет, эта семья? Недавно мне казалось, что мы с Майклом думаем одинаково, мы делились друг с другом мечтами и часто использовали в речи будущее время. Мы выбирали имя для нашего будущего ребенка – Захари, или Эмма, или Лайм – и рассуждали о том, кого бы больше хотела иметь Эбби, братика или сестренку. Мы подбирали на сайтах в Интернете дом для нашей семьи и отправляли друг другу ссылки с комментариями, например «Мило, но Захари нужен более просторный двор для игр» или «Только представь, чем мы сможем заниматься в такой огромной ванне, как эта». Кажется, все это было много лет назад. Теперь Майкл занят только политической карьерой, а все разговоры о будущем сводятся к фразе: «Вот Эбби закончит школу...»

Может, в моей жизни уже никогда не будет того, что я надеялась получить от Майкла?

Открываю папку и опять достаю на свет письмо. Мысли в голове крутятся с нарастающей скоростью. Эбби окончит школу только через год. Тогда мы опять начнем строить планы. Тянусь к телефону, ощущая легкость, которую не испытывала уже много недель.

Набираю номер Майкла, надеюсь, что смогу застать его в редкий момент, когда он один. Майкл будет удивлен, что мне предложили работу, да еще в таком значимом в нашем деле городе, как Чикаго. Он непременно скажет, что гордится мной, но потом напомним, что я не могу уехать, потому что должна оставаться с ним, и это будут для меня самые важные слова. А потом он все обдумает и поймет, что надо брать быка за рога, пока его не увели из-под самого

носа. Я улыбаюсь, у меня даже кружится голова от мысли о том, что я наконец смогу быть счастлива, как в профессиональном, так и в личном плане.

– Мэр Пейн, – слышится в трубке усталый голос, а ведь рабочий день только начался.

– Поздравляю со средой, – произношу я, надеюсь, что это напомнит ему о нашем сегодняшнем свидании и немного взбодрит. С прошлого декабря Эбби начала подрабатывать сиделкой и на вечер среды освобождает Майкла от отцовских обязанностей, что дает нам возможность хоть один вечер провести вдвоем.

– Привет, милая. – Майкл вздыхает. – Сумасшедший день. И все из-за этого форума в Уоррен-Истон-Хай. Я сейчас как раз туда еду. Надеюсь, к началу ралли освобожусь. Ты приедешь?

Он говорит о ралли, проводимом с целью привлечь внимание к совершению насилия в отношении детей. Упираюсь руками в стол.

– Я уже предупредила Марису, что меня не будет. Осталось мало времени. Я чувствую себя ужасно.

– Тебе в самом деле не стоит приезжать. Ты и так сделала для них очень много. Я и сам заскочу ненадолго. Днем у меня встреча по вопросам роста бедности среди населения. Полагаю, освобожусь поздно. Ты не будешь возражать, если мы сегодня не увидимся?

Вопросы бедности? Я не могу возражать, даже если речь идет о вечере среды. Если я собираюсь стать женой мэра, мне лучше скорее привыкнуть к тому, что мой муж связан долгом службы. В конце концов, это мне в нем очень нравится.

– Хорошо. Конечно. Мне кажется, ты устал. Надеюсь, тебе удастся сегодня выспаться.

– И я надеюсь. Хотя предпочел бы заняться кое-чем другим, – добавляет он, понизив голос.

Губы невольно растягиваются в улыбке, когда я представляю, как лежу рядом и обнимаю Майкла.

– Я тоже. – Стоит ли говорить ему о письме Джеймса Питерса? У него и так полно дел, не хочется добавлять ему проблем.

– Теперь ты. Ведь ты что-то хотела?

Да, хотела. Хотела услышать, что он скучает, что ради меня готов отменить все дела. Мне необходимо знать, что у нас общее будущее, что он хочет на мне жениться.

Решительно выдыхаю.

– Хотела предоставить тебе информацию к размышлению, – говорю я беззаботно, чуть нараспев. – Кто-то имеет виды на твою девушку. Мне сегодня по почте пришло послание с предложением.

– И кто же мой конкурент? – интересуется Майкл. – Клянусь, я его убью.

Я хохочу от всей души и рассказываю о письме Джеймса Питерса с предложением работы. Надеюсь, что энтузиазм в моем голосе заставит Майкла понервничать.

– Насчет работы пока ничего не известно, но они заинтересованы во мне, хотели бы услышать мои предложения и идеи по поводу нового шоу. Здорово, верно?

– Очень. Поздравляю, ты стала звездой. Еще одно напоминание, что ты давно не в моей лиге.

Сердце начинает отплясывать джигу.

– Спасибо. Мне было приятно. – Крепко сжимаю веки и снова распахиваю глаза, чтобы не сорваться. – Шоу выйдет на экраны осенью. Они просят скорее принять решение.

– Осталось всего шесть месяцев. Тогда не стоит медлить. Ты уже назначила дату собеседования?

Мне становится трудно дышать. Кладу руку на горло, стараясь сделать глоток воздуха. Слава богу, Майкл меня не видит.

– Я... Нет... Еще не назначила.

– Если получится, мы с Эбби поедem с тобой. Устроим короткий отпуск. Сто лет не был в Чикаго.

Ну, скажи же! Скажи, что он тебя разочаровал, что ты надеялась услышать другие слова, надеялась, он станет умолять тебя остаться. Напомни, что твой бывший живет как раз в Чикаго. Черт, скажи же что-нибудь!

– Так ты не будешь возражать, если я уеду?

– Разумеется, мне не очень это по душе. Слишком далеко мы будем друг от друга, но справимся, верно?

– Конечно, – говорю я, думая о том, что, даже находясь в одном городе, мы не всегда можем найти время побыть наедине.

– Слушай, мне пора бежать. Позвоню позже. И еще раз поздравляю, милая. Я тобой горжусь.

Отбрасываю телефон в сторону и откидываюсь в кресле. Майкла совсем не волнует мой отъезд. Какая же я идиотка. Он давно вычеркнул женитьбу из планов на будущее. А теперь дал мне это понять. Необходимо отправить мистеру Питерсу резюме и свои идеи по поводу нового шоу. В противном случае мои слова будут выглядеть как попытка шантажа, что, впрочем, недалеко от истины.

Взгляд выхватывает кусок газеты «Таймс-Пикаюн», торчащей из сумки. Беру ее и хмурюсь, перечитывая заголовок. «Признание вины». Да уж. «Отправьте Камни прощения, и все будет забыто». Ты чокнутая, Фиона Ноулс.

Сосредоточенно тру лоб. Я могу сделать так, чтобы моя кандидатура не устроила работодателей. Отправлю глупые предложения и скажу Майклу, что не прошла собеседование. Нет, я не смогу переступить через гордость. Если уж Майкл так хочет, чтобы я получила это место, оно будет моим! Я пойду вперед и начну все заново. Мое шоу будет самым популярным в Чикаго, а я стану местной Опррой Уинфри! Я встречу человека, который будет любить меня и захочет иметь семью и детей. Нравлюсь я вам такой, Майкл Пейн?

Но сначала надо подумать над новыми и свежими идеями.

Я хожу взад-вперед по комнате, пытаюсь сочинить что-то новое, неизбитое, свежее и современное. То, что произведет впечатление на Майкла и, возможно, даже заставит его пере-думать.

Перевожу взгляд на газету. Пожалуй, это могло бы сработать? Но получится ли у меня? Разворачиваю газету и аккуратно вырезаю статью о Фионе. Вернувшись к столу, делаю глубокий вдох. Черт, правильно ли я поступаю? Во все глаза смотрю на верхний ящик, словно это сундук Пандоры. Наконец я открываю его и шарю среди скрепок и ручек, пока не обнаруживаю то, что искала. Оно лежит в самом дальнем углу, там, куда я положила его долгих два года назад. Письмо от Фионы Ноулс. А рядом бархатный мешочек с двумя Камнями прощения.

Глава 2

Я развязываю шнурок, и мне на ладонь падают два обычных камушка из сада, один серый с черными прожилками, второй цвета слоновой кости. Под бархатной тканью нащупываю что-то еще – это сложенная гармошкой записка, похоже на печенье с сюрпризом.

«Первый камень обозначает вес гнева.
Второй символизирует тяжесть вины.
Можно вернуть оба камушка, если человек желает избавиться себя от их груза».

Интересно, она все еще ждет, когда я верну ей камни? Получила ли она остальные тридцать четыре? Я ощущаю укол стыда, разворачиваю листок бумаги кремового цвета и читаю письмо, датированное 10 апреля 2013 года.

«Дорогая Анна!

Меня зовут Фиона Ноулс. Искренне надеюсь, что ты не помнишь, кто я. А если и помнишь, то лишь потому, что в твоём сердце из-за меня остался шрам.

Мы вместе учились в Блумфилд-Хиллз. Ты была новенькой, и я выбрала тебя своей жертвой. Я не только издевалась над тобой, но и настроила против тебя всех девочек. Однажды я даже основательно тебя подставила. Я сказала миссис Мейпл, что ты взяла ответы на экзаменационные вопросы по истории, хотя это сделала я. Чувство испытываемого мной стыда не передать словами.

С возрастом мне удалось побороть в себе детскую жестокость, зависть к окружающим и неуверенность в себе, однако обязана признать, что в школе была отъявленной хулиганкой. Конечно, меня это не извиняет, но хочу сказать, что мне очень и очень стыдно. Я прошу у тебя прощения.

Мне приятно было узнать, что ты добилась успеха во взрослой жизни, стала ведущей собственного шоу в Новом Орлеане. Скорее всего, ты давно забыла о Блумфилд-Хиллз и той противной девчонке, которой я когда-то была. Поверь, мои ошибки преследуют меня до сих пор.

Днем я адвокат, а ночью пишу стихи. Мне повезло, и часть моих произведений опубликована. Я не замужем, и у меня нет детей. Порой мне кажется, что одиночество для меня своего рода эпитимья.

Я прошу тебя отправить мне один камень, это будет означать, что мои извинения приняты, а ты не держишь на меня зла. Пожалуйста, отправь такие же камни людям, которых обидела ты, и не забудь приложить записку с извинениями. Надеюсь, камни вернуться и к тебе, и ко мне, таким образом Круг Всепрощения замкнется. Если ты решишь отправить мне камушек, выброси второй в озеро или зарой в саду – сделай то, что тебе покажется верным, главное, чтобы этот жест символизировал освобождение от обиды.

С наилучшими пожеланиями,
Фиона Ноулс».

Кладу письмо на стол. И сейчас, спустя два года с того момента, как оно попало в мой почтовый ящик, я не могу читать его спокойно, даже дыхание учащается. У меня было столько проблем из-за этой девчонки. Из-за Фионы Ноулс распалась моя семья. Да, если бы не она, мои родители никогда бы не развелись.

Тру виски. Мне надо рассуждать здраво, не поддаваясь эмоциям. Фиона Ноулс теперь спокойна, я стала одним из первых получателей ее Камней прощения.

Итак, что конкретно мы имеем. Передо мной сейчас лежит то, что стало бы прекрасной идеей для мистера Питерса и будущего шоу на WCHN. Мы могли бы пригласить Фиону в студию и рассказать нашу историю обиды и прощения. Проблема лишь в том, что я не могу ее простить. Я и не собиралась. В отчаянии кусаю губы. Должна ли я перебороть себя именно сейчас? Или могу схитрить? В конце концов, работодатели просят меня лишь представить идеи. Возможно, шоу никогда не выйдет на экран. Нет, мне лучше быть готовой ко всему. На всякий случай.

Беру из пачки лист бумаги и в тот же момент слышу стук в дверь.

– Десять минут до начала, – произносит Стюарт.

– Иду.

Поспешно хватаю счастливую ручку – подарок Майкла, сделанный в день, когда мое шоу получило второй приз на вручении премии Телерадиовещателей Луизианы – и быстро пишу ответ.

«Дорогая Фиона!

Отправляю тебе камень, символизирующий тяжесть твоей вины и освобождающий мое сердце от гнева.

С наилучшими пожеланиями,

Анна Фарр».

Да, это половинчатая мера, но большего я сделать не могу. Кладу письмо в конверт, отправляю туда же камушек и запечатываю. По дороге домой брошу его в почтовый ящик. Теперь я не солгу, когда открыто признаю, что вернула Камень прощения.

Глава 3

Меняю деловое платье на легинсы и мягкие туфли без каблука. Воздух наполнен ароматами свежее испеченного хлеба и цветущей магнолии. Я иду по Парковому кварталу к дому своей подруги Дороти Руссо. До того как четыре месяца назад переехать сюда, она была моей соседкой в доме «Эванджелин» на Сент-Чарльз-авеню. Я перебегаю Джефферсон-стрит и иду прямо, любуясь оранжевым гибискусом, цветами канны и наперстянки.

Несмотря на окружающую меня красоту, я думаю то о Майкле и его безразличии, то о предстоящей работе, что, кажется, становится сейчас самым важным, а иногда о Фióне Ноулс и Камне прощения, который ей отправила.

К старому кирпичному дому я подхожу уже в четвертом часу. Поднявшись по металлическому пандусу, приветствую сидящих на крыльце Марту и Джоан:

– Добрый день, милые леди! – и вручаю каждой по ветке магнолии.

Дороти переехала в Парковый квартал, когда дегенерация желтого пятна глаза лишила ее независимости. Сын подруги живет в девяти тысячах миль от Нового Орлеана, и я оказалась единственной, кто помог ей найти новое жилье, где три раза в день ей подают еду и готовы прийти на помощь при каждом нажатии сигнальной кнопки. В свои семьдесят шесть Дороти порой ведет себя как новоприбывший жилец студенческого кампуса.

Войдя в вестибюль, я прохожу мимо стойки с гостевой книгой. Я бываю здесь так часто, что меня все знают. Дороти я нахожу во дворике сидящей в плетеном кресле с парой старомодных наушников на голове. Голова опущена на грудь, глаза закрыты. Кладу руку ей на плечо, и она вздрагивает.

– Привет, Дороти, это я.

Подруга снимает наушники, выключает плеер и встает. Она высокая и стройная, белый узел волос контрастирует с оливкового цвета кожей. Несмотря на проблемы со зрением, она каждый день делает макияж. «Чтобы побережь тех, кто видит», – шутит она. Но и без косметики Дороти остается самой красивой женщиной из всех, кого я знаю.

– Анна, дорогая! – Ее южная манера произносить слова тягучая и мягкая, как вкус карамельки. Она на ощупь находит мою руку и тянет меня в свои объятия. В душе возникает знакомая ноющая боль. Я вдыхаю аромат духов «Шанель» и чувствую, как ладонь подруги выписывает круги на моей спине. Это объятия матери, не имеющей дочери, и дочери, оставшейся без матери. Они всегда волнуют.

Дороти несколько раз резко втягивает воздух.

– Магнолия?

– Ну у тебя и нюх, – улыбаюсь я и протягиваю букет. – А еще я принесла буханку моего хлеба с корицей.

Дороти хлопает в ладоши:

– Мой любимый! Вы меня балуете, Анна Мария.

Не могу сдержать улыбки. Мне кажется, так назвала бы меня в этот момент мама – Анна Мария.

Подруга вскидывает голову.

– Что привело тебя сюда в среду? Разве ты не должна сейчас прихорашиваться перед свиданием?

– Майкл вечером занят.

– Вот как? Тогда садись и рассказывай.

Я улыбаюсь манере Дороти и плюхаюсь на кушетку напротив, так чтобы видеть ее лицо. Она подается вперед и берет мою руку в свои ладони.

– Рассказывай.

Какой щедрый подарок судьбы – иметь подругу, которая знает, когда мне надо излить кому-то душу. Я выкладываю ей все, и о письме мистера Питерса, и о разговоре с Майклом и его восторженной реакции.

– Майя Эндрело говорила: «Никогда не возлагайте все надежды на того, кому должны предоставить лишь право выбора». Впрочем, ты можешь напомнить мне о моих ошибках.

– Что ты, я тебя внимательно слушаю. Знаешь, я чувствую себя такой глупой. Я потратила два года на мечты о том, что стану его женой, а, скорее всего, у него даже в мыслях этого не было.

– Знаешь, я давно приучила себя открыто говорить о том, чего хочу. Разумеется, это не вполне романтично, но честно, ведь порой мужчины ведут себя как болваны, они часто не понимают наши намеки. Ты сказала Майклу, что его реакция тебя расстроила?

– Нет, – качаю я головой. – У меня было ощущение, что я попала в западню. Сразу отправила ответ на письмо Питерса. Как еще я должна была поступить? Разве у меня есть выбор?

– Выбор есть всегда, Анна. Запомни, и никогда не забывай об этом. Право выбора – наивысшее право.

– Хорошо, я могла бы сказать Майклу, что отказываюсь от уникального предложения только по одной причине: надеюсь, что мы когда-нибудь станем семьей. Так? И что бы я получила? Подтолкнула Майкла к желанию сбежать от меня навсегда?

Словно стараясь успокоить, Дороти гладит меня по руке, а потом выпрямляется.

– Ты гордишься мной? Я ведь даже ни разу не упомянула имя своего сына.

Не могу сдержать смех.

– До этого мгновения.

– У Майкла были основания так себя повести. Возможно, он страдает из-за того, что ты переезжаешь в тот же город, где живет твой бывший.

– Если и так, я никогда об этом не узнаю, – пожимаю я плечами. – Он ничего не спросил о Джеке.

– А ты собираешься с ним встретиться?

– С Джеком? Нет, конечно. Нет! – Достаяю из сумки мешочек с камнями. Мне хочется сменить тему и не обсуждать Джека с его же матерью.

– У меня еще кое-что для тебя есть. – Кладу ей на ладонь бархатный мешочек. – Это Камни прощения. Ты о них слышала?

Лицо Дороти светлеет.

– Разумеется. Начало всему положила Фиона Ноулс. На прошлой неделе она выступала по радио NPR. Ты знаешь, что она написала книгу? А в апреле приедет в Новый Орлеан.

– Да, я слышала. Вообще-то я училась с ней в школе.

– Ты никогда мне не говорила!

Рассказываю Дороти о полученных камнях и письме Фионы.

– Бог мой! Так ты одна из тех тридцати пяти? А я впервые об этом слышу.

Я отворачиваюсь и оглядываю дворик. Мистер Уилтшир сидит в инвалидном кресле под кроной огромного дуба, а Лиззи, любимица Дороти, читает ему стихи.

– Я не думала ей отвечать. Разве можно двумя камушками заставить простить два года издевательства?

Дороти молчит, но мне кажется, она считает, что можно.

– Ладно. Мне надо написать свои предложения, и я выбрала историю Фионы. Она сейчас популярна, а тот факт, что я среди тридцати пяти избранных, придает всему личностную окраску. Это должно вызвать зрительский интерес.

Дороти кивает.

– Поэтому ты отправила ей камушек?

Я опускаю глаза.

– Да. Не буду отрицать. У меня были скрытые мотивы.

– Все дело в предложении работы. А они захотят это снимать?

– Не думаю. Скорее, это тест на мою профпригодность. И мне хочется их поразить. Даже если я не получу работу в Чикаго, могу использовать эту идею здесь, если, конечно, Стюарт согласится. По теории Фионы, я должна добавить еще камушек в мешочек и отправить тому, кого обидела я. – Я кладу светлый камешек, полученный от Фионы, в бархатный мешочек и добавляю еще один. – Что я и делаю. И прибавляю свои искренние извинения. Прости меня, Дороти.

– Я? За что?

– Да, ты. – Вкладываю мешочек ей в руку. – Я знаю, как ты любила наш дом «Эванджелин», прости, что не могла заботиться о тебе так, чтобы ты могла остаться. Следовало бы нанять помощницу...

– Дорогая, не говори глупости. В той квартире не было места для второго человека, а здесь мне очень хорошо. Я счастлива, и ты это знаешь.

– И все же прими от меня эти Камни прощения.

Дороти вскидывает голову, и ее невидящие глаза смотрят прямо мне в лицо.

– Ты хитришь. Хочешь поскорее передать кому-то камни, чтобы был готов сюжет для канала? Чего ты добиваешься? Считаешь, я и Фиона подходим для того, чтобы замкнуть Круг Всепрощения?

– Разве это так плохо? – удивленно спрашиваю я.

– Плохо, потому что ты выбрала не тех людей. – Она кладет мешочек мне на колени. – Я не могу принять их, есть люди, которые больше заслуживают, чтобы ты попросила у них прощения.

Перед глазами появляется лицо Джека и в следующее мгновение разлетается на тысячи острых осколков. *Прости меня, Анна. Да, я переспал с Эми. Всего раз. Это больше не повторится. Клянусь тебе.*

Я вздыхаю и закрываю глаза.

– Прости, Дороти. Я знаю, ты считаешь, что я сломала жизнь твоему сыну тем, что разорвала помолвку, но нельзя всю жизнь ворошить прошлое.

– Я не имела в виду Джексона. – Дороти четко произносит каждое слово. – Я говорю о твоей матери.

Глава 4

Я бросаю мешочек ей на колени, словно одно прикосновение к нему может обжечь.

– Нет. Уже слишком поздно говорить о прощении. Есть вещи, о которых лучше не вспоминать. Если бы отец был жив, он бы согласился со мной. Он любил повторять, что поздно косить поле, когда оно перепахано. Если только не хочешь увязнуть в грязи.

Дороти шумно переводит дыхание.

– Я знаю тебя с того дня, как ты сюда переехала, Анна. Девочка с большими мечтами и большим сердцем. Я все знаю о твоём отце и том, как он растил тебя один с десятилетнего возраста. А вот о маме ты ничего не рассказывала. Только упомянула, что она предпочла вам другого мужчину.

– Я не желаю ничего о ней знать. – Сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Меня злит, что женщина, о которой я ничего не слышала последние десять лет, вызывает во мне такую бурю эмоций. Фиона сказала бы, такова «тяжесть обиды». – Мама сама все решила.

– Возможно. Но мне всегда казалось, что это только часть правды. – Дороти отводит взгляд и качает головой. – Прости, я должна была поделиться с тобой своими мыслями раньше. Меня всегда это тяготило. Даже казалось, что я не делаю этого, потому что боюсь тебя потерять. – Она берет мою руку в свои ладони. – Ты должна помириться с мамой, Анна. Время пришло.

– Я простила Фиону. Теперь два камня я должна передать тому, у кого хочу *получить* прощение, а не тому, кого хочу простить.

Дороти пожимает плечами.

– Даровать прощение или просить. Я не думаю, что для камней это имеет значение. Смысл ведь в восстановлении гармонии в отношениях, так ведь?

– Послушай, Дороти, ты ведь не знаешь всего, что произошло.

– Мне кажется, что и ты тоже.

Я молчу и смотрю на нее.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Помнишь, когда твой отец был здесь в последний раз? Я тогда еще жила в «Эванджелин», и вы все пришли ко мне на ужин.

В тот раз папа приезжал в последний раз, хотя тогда мы этого и не предполагали. Он был загорелый и выглядел прекрасно, как всегда был в центре внимания. Мы сидели на балконе в квартире Дороти, пили вино и вспоминали веселые истории.

– Да, помню.

– Я уверена, он уже знал, что скоро покинет этот мир.

Загадочность в ее голосе и бездонные, невидящие глаза наводят на меня ужас, кажется, даже волосы на голове зашевелились.

– Мы с твоим отцом остались наедине, когда вы с Майклом ушли, чтобы принести еще бутылку вина. Он сказал мне кое-что. Он тогда много выпил, но хорошо, что так получилось. Мне показалось, ему надо было с кем-то поделиться.

Я жду, затаив дыхание.

– И что он сказал?

– Он сказал, что твоя мама до сих пор присылает тебе письма.

Я с трудом выдыхаю. Письма? От мамы?

– Не может быть. Думаю, всему виной алкоголь. Она почти двадцать лет мне не писала.

– Ты уверена? А у меня сложилось впечатление, что твоя мать многие годы не оставляла надежды с тобой связаться.

– Папа сказал бы мне. Нет, не может быть. Мама и слышать обо мне не желала.

– Но ты мне призналась когда-то, что сама разорвала ваши отношения.

Вспоминаю день своего шестнадцатилетия. Папа сидит напротив меня в ресторане «Мэри Мак» и широко улыбается, счастливо и открыто. Он кладет локти на стол, покрытый белой скатертью, и смотрит, как я открываю коробочку с подарком – подвеской с бриллиантами и сапфиром, слишком экстравагантное украшение для подростка.

– Это камни из кольца Сьюзен, – говорит он. – Я сделал эту вещицу для тебя.

Я смотрю во все глаза и вспоминаю мамину шкатулку с украшениями. В день, когда она уходила, папа заявил, что кольцо по праву принадлежит ему и мне.

– Спасибо, папочка.

– А вот и еще один подарок. – Он берет меня за руку и подмигивает. – Больше тебе не придется ее видеть, милая.

Я не сразу понимаю, что он говорит о моей матери.

– Ты уже достаточно взрослая, чтобы самостоятельно принимать решения. Судья четко все обозначил в решении об опекунстве. – Лицо его выражает восторг, словно он выиграл приз. Я смотрю на отца, открыв рот.

– Значит, мы больше никогда не увидимся? Никогда?

– Ты сама этого хотела. Мама согласилась. Черт, она, наверное, рада не меньше тебя, что с плеч свалилась такая обуза.

Мне с трудом удается улыбнуться.

– Хм, ну да. Наверное. Если ты... если она так хочет...

Я отворачиваюсь, чтобы не видеть Дороти, чувствуя, как дрожат губы.

– Мне тогда было только шестнадцать. Она должна была просить о встрече, обязана была бороться за меня! Она ведь мать. – Голос мой срывается, и приходится помолчать, чтобы найти силы продолжать. – Папа звонил ей и все рассказал. Она словно сама ждала, когда я это предложу. Папа тогда вышел и сказал: «Все в порядке, милая. Теперь ты не на крючке». – Прикрываю рот ладонью и стараюсь сглотнуть, пожалуй впервые радуясь тому, что Дороти не видит моего лица. – Через два года она появилась на выпускном в моей школе и делала вид, что очень мной гордится. Мне было восемнадцать, но я испытывала такую боль, что не смогла сказать ей ни слова. А что она ожидала после двух лет молчания? С тех пор я ее не видела.

– Анна, я знаю, как много значил для тебя отец. – Дороти помолчала, подбирая верные слова. – Но ведь он намеренно мог препятствовать твоему общению с матерью.

– Так и было. Он хотел меня защитить. Она бы обижала меня снова и снова.

– Это твоя правда. Твое видение. Ты уверена, что права, и я тебя понимаю. Но это не означает, что так все и есть на самом деле.

Несмотря на слепоту, миссис Руссо обладала способностью заглянуть в душу.

Я моргаю и опускаю глаза.

– Мне бы не хотелось об этом говорить.

Ножки кушетки скользят по бетону, когда я поднимаюсь, чтобы уйти.

– Сядь, – произносит Дороти с такой суровостью, что я невольно повинуюсь.

– Агата Кристи как-то сказала, что внутри каждого из нас есть потайная дверца. – Она находит мою руку и сжимает так сильно, что ногти впиваются в кожу. – За ней мы храним свои самые сокровенные тайны. Мы следим, чтобы эта дверь была тщательно закрыта, и обманываем себя, заставляя поверить, что тех тайн не существует. Некоторые счастливики и правда однажды начинают в это верить. Но я боюсь, моя дорогая, что ты не из их числа.

Дороти берет из моих рук камни, которые я перебираю пальцами, кладет в мешочек и туго затягивает шнур. Пошарив рукой, она находит мою сумку и опускает туда бархатный мешок.

– Ты никогда не построишь будущее, пока не примиришься с прошлым. А теперь иди. И непременно помирись с мамой.

Я стою босиком в своей кухне. Над расположенным в центре «островом» висят медные кастрюли. Воскресенье, и уже почти три часа пополудни, а Майкл должен прийти в шесть. Я с удовольствием посвящаю свободное время готовке, чтобы к его приезду дом наполнился теплым ароматом свежее испеченного хлеба. Соблазнение атмосферой домашнего уюта. Сегодня мне понадобятся все помощники, каких я смогу найти. Я решила воспользоваться советом Дороти и напрямую сказать Майклу, что не хочу покидать Новый Орлеан, а точнее, не хочу расставаться с ним.

Выкладываю шар пышного теста на присыпанную мукой доску и начинаю месить. Я мну его руками, растягиваю, наблюдая, как оно податливо меняет форму. На полке у меня над головой, прямо над «островом» лежит, поблескивая боками, миксер для теста «Бош», три года назад подаренный мне отцом на Рождество. У меня тогда не хватило духа сказать ему, что в вопросе хлебопечения я придаю много значения эмоциональной составляющей, поэтому предпочитаю месить тесто руками, как делали уже четыре тысячи лет назад древние египтяне, которые первыми стали использовать закваску. Интересно, для египтянок той эпохи это было лишь ежедневной обязанностью или они, как и я, находили в этом процессе успокоение? Я расслабляюсь, наблюдая, как проходят у меня на глазах едва заметные химические процессы, как, смешиваясь, мука и вода превращаются в эластичное, шелковистое на ощупь тесто.

Моя мама говорила, что этимология происхождения слова «леди» такова, что, по сути, оно означает женщина-тестомес. Как и для меня, выпечка была ее страстью. Но у кого она этому научилась? Я никогда не видела ее с книгой, мама даже не закончила школу.

Убираю тыльной стороной ладони прядь волос со лба. Дороти велела мне помириться с матерью. Мы говорили об этом три дня назад, а я постоянно думаю о ее словах. Неужели мама действительно не раз пыталась со мной связаться?

Есть лишь один человек, который может знать точно. Не раздумывая, наспех мою руки и беру телефон. Сейчас час по тихоокеанскому времени. Слушаю гудки и представляю, как Джулия сидит на веранде, читает очередной любовный роман или, может, красит ногти.

– Анна-банана! Как ты?

Восторг в ее голосе вызывает чувство вины. В первый месяц после смерти отца я звонила Джулии ежедневно, но вскоре это случалось уже раз в неделю, а потом и раз в месяц. Последний раз я разговаривала с ней на Рождество.

После подробного отчета о том, как обстоят дела на работе и в личной жизни, я произношу:

– В общем, все отлично. А как ты?

– Салон посылает меня на обучение в Вегас. Нарастивание волос, парики и всякое такое. Курс рассчитан на три дня. Ты тоже могла бы попробовать. Это очень удобно.

– Могла бы, – отвечаю я, прежде чем перейти к главному. – Джулия, мне нужно задать тебе один вопрос.

– Знаю. Квартира. Надо выставить ее на продажу.

– Нет. Я же говорила, что хочу оставить ее тебе. На следующей неделе позвоню миссис Сайболд и узнаю, почему так долго оформляют передачу права собственности.

Слышу в трубке протяжный вздох.

– Ты золото, Анна.

Папа стал встречаться с Джулией в тот год, когда я окончила колледж. Он рано ушел на пенсию и решил, что, раз я поступаю в Южно-Калифорнийский университет, он может переехать в Лос-Анджелес. Они с Джулией познакомились в тренажерном зале. Тогда ей было тридцать пять, на десять лет моложе отца. Я неожиданно испытала симпатию к этой добродушной, симпатичной женщине, питающей слабость к красной помаде и всему, что связано с Элвисом. Как-то она призналась мне, что всегда очень хотела иметь детей, но решила выбрать моего

отца, потому что он вечный ребенок. Жаль, что через семнадцать лет с ней рядом нет ни детей, ни ее большого ребенка. Мне кажется, что папина квартира станет небольшим вознаграждением за все ее жертвы.

– Джулия, одна моя подруга сказала мне то, что никак не выходит у меня из головы.

– Что же это?

– Она... – кладу руку на заколку, скрепляющую мои волосы. – Она говорит, что моя мама много раз пыталась со мной связаться, что она написала мне письмо или несколько писем. Я не знаю, что и думать. – Я замолкаю, испугавшись, что мои слова могут прозвучать как обвинение. – Она полагает, папа обо всем знал.

– Мне ничего об этом не известно. Я уже вынесла гору мешков. Этот мужчина ничего не желал выбрасывать. – Она тихо смеется, и у меня сжимается сердце. Мне надо было заняться этим самой, а я, как и отец, свалила все самое неприятное на Джулию.

– И ты не находила никаких писем от моей матери?

– Я знаю, у нее был наш адрес в Лос-Анджелесе. Иногда она посылала ему какие-то бумаги, связанные с налогами, и еще что-то, но прости, Анна, для тебя она не присылала ничего.

Я киваю, не в силах произнести ни слова. Только теперь я понимаю, как отчаянно надеялась услышать другой ответ.

– Отец очень тебя любил, Анна. У него была лишь одна слабость – любовь к тебе.

Я отлично знаю, что папа меня любил. Но почему же мне этого мало?

К предстоящему вечеру я готовлюсь особенно тщательно. После ванны с моим любимым маслом Джо Малоне я надеваю персикового цвета кружевное белье, встаю перед зеркалом и начинаю выпрямлять волосы «утюжком». Обычно они красиво лежат волнами, но Майкл любит, когда они прямые. Подкрашиваю ресницы, завершаю макияж и бросаю косметичку в сумку. Осторожно, чтобы не помять, я надеваю платье цвета меди, облегающее фигуру, которое непременно понравится Майклу. В последнюю минуту беру подаренный отцом кулон с сапфиром и бриллиантами. Камни матери смотрят на меня, подмигивая, словно до сих пор не могут привыкнуть к новой оправе.

Все эти годы кулон пролежал в шкапулке, я ни разу не испытала желания и потребности его надеть. Отмахиваюсь от накатившей тоски, застегиваю замочек и смотрю на результат в зеркале. Господи, прости меня, но мой отец поступил необдуманно. Его подарок стал не приятным воспоминанием о дне вступления во взрослую жизнь, а символом разрушения и утраты. А папа об этом даже не догадывался.

В 6:37 порог моей квартиры переступает Майкл. Я не видела его уже неделю и невольно отмечаю, что ему не мешало бы зайти в парикмахерскую. В отличие от моей идеальной прически его белокурые волнистые волосы растрепаны, что придает ему юношеский вид мальчишки, работающего на пляже. Я всегда говорила Майклу, что он больше похож на модель для Ральфа Лорена, чем на мэра. Его васильковые глаза и стройная фигура гарантировали бы ему успех в лучших журналах страны.

– Привет, красавица, – говорит он.

Даже не потрудившись снять плащ, он заключает меня в объятия и начинает расстегивать платье, подталкивая к дверям спальни. И плевать, что оно помнется.

Мы лежим и смотрим в потолок.

– Бог мой, – произносит Майкл. – Это было то, что мне сейчас необходимо.

Я перекатываюсь ближе и провожу пальцем по его квадратной челюсти.

– Я так соскучилась.

– И я, милая. – Он поворачивается и целует кончик моего пальца. – Ты восхитительна. Я уже говорил тебе об этом?

Я лежу на сгибе его руки и жду, когда он переведет дыхание и мы начнем второй раунд. Я обожаю эти моменты отдыха, когда весь мир отступает, а я слышу лишь наше прерывистое дыхание.

– Хочешь выпить? – шепчу я и поднимаю голову, когда не дожидаясь ответа.

Глаза Майкла закрыты, через секунду до меня доносится тихое похрапывание.

Поворачиваюсь и смотрю на часы – 6:55, восемнадцать минут от поцелуя у двери до храпа.

Майкл просыпается, открывает глаза, сонно щурясь.

– Который час? – спрашивает он и тянется к часам.

– Семь сорок, – отвечаю я и провожу рукой по его торсу. – Ты заснул.

Майкл вскакивает с кровати и хватается телефон.

– Черт, я обещал Эбби забрать ее в восемь. Надо спешить.

– С нами будет Эбби? – восклицаю я, надеясь, что не выдала своего разочарования.

– Да. – Он поднимает с пола рубашку. – Она отменила свидание, чтобы побыть с нами.

Выбираюсь из постели. Возможно, я веду себя как эгоистка, но сегодня я хотела поговорить с Майклом о Чикаго. И на этот раз не собиралась менять планы. Я застегиваю лифчик и напоминаю себе, что Майкл отец-одиночка, и очень хороший отец. Кроме того, работа мэра занимает немало времени. Мне не стоит заставлять его выбирать, с кем проводить время – со мной или с дочерью.

Он явно пытается порадовать нас обеих.

– У меня идея, – говорю я, замечая, что он печатает сообщение дочери. – Сегодня тебе лучше провести время с Эбби, а мы увидимся завтра.

Майкл выглядит удивленным.

– Нет. Я хочу, чтобы и ты пошла.

– Но Эбби будет приятнее провести время вдвоем с тобой. Кроме того, помнишь, я говорила тебе о работе в Чикаго, так вот, мне нужно поговорить с тобой об этом наедине. Мы вполне можем сделать это завтра.

– А я мечтал провести вечер с двумя самыми главными женщинами в моей жизни. – Майкл подходит ко мне и целует в шею. – Я люблю тебя, Анна. И чем чаще Эбби будет проводить время с тобой, тем больше привяжется к тебе. Мне хочется, чтобы все видели, что мы вместе, как одна семья. Разве ты этого не хочешь?

Я не могу больше сопротивляться. Майкл думает о нашем будущем, а это именно то, чего я от него жду.

Мы движемся на восток по Сент-Чарльз и останавливаемся у его дома в Карролтон десять минут девятого. Майкл бежит к двери, а я сижу в его джипе и разглядываю кремового цвета стены дома, где когда-то жила семья из трех человек.

О том, что Майкл один воспитывает дочь, я узнала в первый день нашего знакомства и была приятно удивлена, что он чем-то похож на моего отца. Когда мы начали встречаться, мои мысли об Эбби были всегда только позитивными. Я люблю детей. То, что она есть, – это счастье. Клянусь, я так думала до знакомства с ней. До меня доносится скрип железных ворот, и из дома выходят Эбби и Майкл. Она почти одного роста с отцом, сегодня длинные светлые волосы убраны в хвост, на лице выделяются красивые зеленые глаза.

– Привет, Эбби! – говорю я, когда она забирается на заднее сиденье. – Выглядишь отлично.

– Привет, – произносит она и открывает ярко-розовую сумку-мешок от Кейт Спейд, чтобы достать телефон.

Майкл выезжает на Тчаупитаулас-стрит, а я пытаюсь разговорить Эбби. Она, как обычно, отвечает односложно, стараясь не смотреть мне в глаза. Если она что-то и говорит, то обращается к отцу и смотрит только на него. Эти фразы, начинающиеся со слова «папа», каждый раз заставляют меня думать, что я для нее не существую, я пустое место. *Папа, я узнала результаты теста. Папа, я посмотрела тот фильм, который ты советовал.*

Мы приезжаем в ресторан «Бруссард» во Французском квартале – выбор Эбби, – и изящная брюнетка провожает нас к столику.

Мы проходим через дворик в освещенный свечами зал. Пожилая, хорошо одетая пара поворачивается в мою сторону, когда мы останавливаемся у соседнего столика, и я улыбаюсь им.

– Анна, я ваша поклонница, – восклицает дама и берет меня за руку. – Каждое утро я, благодаря вам, улыбаюсь.

– Приятно слышать, – говорю я, высвобождая руку. – Не представляете, как для меня это ценно.

Мы садимся за стол, и Эбби поворачивается к расположившемуся рядом с ней Майклу.

– Ты должен обидеться, – говорит она. – Ты делаешь все для этого города, а она получает знаки внимания. Какие люди глупые.

У меня возникает ощущение, что я перенеслась в прошлое, в Блумфилд-Хиллз, а рядом со мной Фиона Ноулс. Мне хочется, чтобы Майкл сказал что-то в мою защиту, но он лишь усмехается.

– Такую цену мне приходится платить за свидания с Любимицей Нового Орлеана. – И сжимает под столом мое колено.

«Не обращай внимания, – говорю я себе. – Она ребенок. Ты сама когда-то была такой».

Я невольно погружаюсь в воспоминания. Я в Харбор-Ков. Боб ведет машину, мы едем в «Тейсти-фриз», мама сидит на пассажирском сиденье. Я на заднем грызу ноготь на большом пальце. Боб поворачивается ко мне через плечо:

– Как насчет огромного сандэ, сестренка? Или банана-сплит?

Я складываю руки на животе в надежде, что никто не слышит урчания, и отвечаю:

– Не хочу есть.

Закрываю на мгновения глаза, чтобы прогнать ненужные мысли. Черт побери Дороти и эти камни!

Переключаюсь на меню и пытаюсь подыскать что-то из закусок, ценой не дороже моего платья. Как мужчина с юга, к тому же джентльмен, Майкл всегда настаивает, что платить будет он. Я же, чьи предки были угольщиками из Пенсильвании, хорошо знаю и не забываю цену деньгам.

Через несколько минут возвращается официант с бутылкой вина, заказанной Майклом, и наливает Эбби бокал газированной воды.

– Желаете начать с закусок? – интересуется он.

– Что ж... посмотрим. – Майкл открывает меню.

Но Эбби берет дело в свои руки.

– Пожалуйста, фуа-гра «Хадсон Вэлли», карпаччо «Блэк Ангус» и морские гребешки «Джорджес-Банк». И террин из лисичек, *s'il vous plaît*. – Она поворачивается к отцу: – Тебе понравятся эти грибы, папочка.

Официант исчезает, и я откладываю меню.

– Итак, Эбби, когда результаты теста ты уже знаешь, куда думаешь поступать?

Она тянется к телефону.

– Пока не решила.

– Ее претензии сузились до Оберна, Тулейна и Калифорнийского университета.

Ура, наконец-то у меня есть шанс найти общий язык!

– Калифорнийский университет? – поворачиваюсь я к Эбби. – Ведь я там училась! Тебе бы очень понравилась Калифорния, Эбби. Послушай, если у тебя будут вопросы, обращайся. Я с удовольствием напишу рекомендательное письмо или сделаю что-то другое, что тебе поможет.

Майкл вскидывает брови.

– Думаю, не стоит отказываться от столь щедрого предложения, Эб. Анна одна из звездных выпускниц.

– О, Майкл, что за ерунда.

Ерунда, но я счастлива, что он это сказал.

Эбби качает головой, не отрываясь от экрана телефона.

– Я уже вычеркнула этот университет из списка. Меня интересует более серьезное образование.

– Конечно, – бормочу я, беру папку с меню и погружаюсь в чтение, мечтая оказаться в любом другом месте, только не здесь.

Мы с Майклом встречались восемь месяцев, прежде чем он познакомил меня с дочерью. Я не могла дождаться того дня. Эбби вскоре должно было исполниться шестнадцать, и я была уверена, что мы довольно быстро станем подругами. Мы обе бегали по утрам, Эбби была членом редакции школьной газеты, наконец, мы обе росли без матери.

Наше знакомство прошло в непринужденной обстановке «Кафе дю Монд» – кофе и оладьи. Мы с Майклом хохотали над тем, как странно выглядит присыпанное сахарной пудрой блюдо, и съели все до последней крошки. Эбби заявила, что все американцы обжоры, пила маленькими глотками черный кофе, откинувшись на спинку кресла, и неотрывно писала что-то в телефоне.

– Надо дать ей время, – сказал мне Майкл. – Она не привыкла с кем-то меня делить.

Поднимаю глаза и замечаю, что в ресторане стало необычайно тихо. Майкл и Эбби смотрят куда-то вдаль. Перевожу взгляд и вижу, что за столиком в углу, футах в двадцати от нас, сидит красивая брюнетка и во все глаза смотрит на стоящего перед ней на одном колене мужчину. Он протягивает ей маленькую коробочку, и я замечаю, как дрожит его рука.

– Будь моей женой, Кэтрин Беннет.

Он произносит эту фразу с таким чувством, что у меня начинает щипать в носу.

«Не будь дурой», – говорю я себе.

Женщина восторженно вскрикивает и падает в объятия мужчины. Ресторан взрывается аплодисментами.

Я тоже хлопаю, смеюсь и утираю слезы. Внезапно ощущаю на себе тяжелый взгляд Эбби. Резко поворачиваюсь, и наши взгляды встречаются. Уголки ее губ ползут вниз. Это не улыбка и не обычная, присущая ей ухмылка. Эта семнадцатилетняя девчонка меня презирает. Я отвожу взгляд, пораженная тем, что она многое понимает. Она считает меня дурой, верящей в любовь и доверяющей ее отцу.

– Майкл, нам надо поговорить.

Он приготовил нам коктейли «Созерак», и сейчас мы сидим рядом на белом диване в моей гостиной. Теплый свет огня в камине подкрашивает комнату, и я невольно задумываюсь, кажется ли Майклу эта мирная атмосфера такой же фальшивой, как мне?

Майкл разглядывает бокал.

– Она еще ребенок, Анна. Поставь себя на ее место. Трудно делить отца с другой женщиной. Прошу тебя, постарайся понять.

Я недовольно хмурюсь. Разве не я предлагала ему провести вечер вдвоем с дочерью? Я бы непременно напомнила ему, но не хочу отвлекаться от главной темы разговора.

– Дело не в Эбби. Я хочу поговорить о нас. Я отправила резюме на WCH и написала Джеймсу Питерсу, что меня заинтересовало его предложение.

Я внимательно смотрю ему в лицо, пытаюсь уловить испуг или разочарование, но вместо этого слышу:

– Отлично! – Он кладет руку на спинку дивана и гладит меня по плечу. – Я тебя полностью в этом поддерживаю.

Чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота, я хватаюсь пальцами за кулон.

– Вот в этом как раз все дело. Мне не нужна твоя поддержка. Я собираюсь уехать за девять тысяч миль, Майкл, и хочу, чтобы ты...

В голове звучит голос Дороти: «Я давно приучила себя открыто говорить о том, чего хочу».

Я решительно поворачиваюсь к Майклу:

– Я хочу, чтобы ты попросил меня остаться.

Глава 5

Майкл ставит бокал на кофейный столик и разворачивается ко мне всем телом.

– Останься, – говорит он и сжимает мои плечи. – Пожалуйста. Не уезжай. Он обнимает меня и целует. Затем отрывается от меня, поправляет волосы, убирает прядь за ухо. – Любимая, я был уверен, что ты решила пойти на это собеседование для самоуспокоения, чтобы иметь козырь в руках к тому времени, как предстоит заключать новый контракт с каналом.

Я киваю. Разумеется, он прав. Особенно учитывая появление Клаудии Кэмбелл.

Майкл охватывает мое лицо ладонями.

– Я так люблю тебя, Анна.

– Я тоже тебя люблю, – улыбаюсь я.

– Ведь твой отъезд из Нового Орлеана не означает, что ты уходишь от меня, не правда ли? – Он откидывается на спинку дивана. – Эбби уже достаточно взрослая, чтобы на некоторое время остаться одна. Черт, она почти каждые выходные занята! Я мог бы приезжать, навещать тебя раз, а то и два в месяц.

– Ты мог бы?

Представить невозможно, что мы оба выходных дня проведем с Майклом вдвоем. Будем засыпать рядом и просыпаться утром, а впереди будет еще целый день.

Майкл прав. Если я перееду в Чикаго, у нас будет возможность больше времени проводить вместе.

– И я буду приезжать сюда на выходные, – произношу я с возрастающим энтузиазмом.

– Непременно. Допустим, ты заключишь контракт на год. За это время ты приобретешь популярность, сможешь впоследствии получить работу даже в округе Колумбия.

– Округе Колумбия? Послушай, разве ты не понимаешь? Я надеюсь, что настанет день, когда мы будем вместе.

Майкл усмехается.

– Придется раскрыть тебе секрет. Я подумываю о том, чтобы баллотироваться в сенат. Говорить об этом пока несколько преждевременно, ведь сенатор Хансенз пока не переизбирается...

Я радостно улыбаюсь. Майкл думает о будущем. Возможно, через пару лет он будет в Вашингтоне и хочет помочь мне проложить путь туда же.

В воскресенье вечером, когда выходные уже позади, я все еще ощущаю пустоту в душе. Я прямо сказала Майклу о своих желаниях и услышала в ответ то, что хотела. Так почему же мне одиноко так, как не было никогда?

В 1:57 меня озаряет. Я неверно сформулировала вопрос. Да, мне известно, что Майкл не хочет меня терять, но на самом деле мне важно знать другое: хочет ли он, чтобы я стала его женой?

В понедельник днем мы с Джейд отправляемся заниматься спортивной ходьбой в парк Одюбон.

– Вот и Маркус мне вечно твердит: «Пожалуйста, любимая, дай мне еще один шанс. Этого больше никогда не повторится. Я тебе клянусь».

Сжимаю челюсти, чтобы взять себя в руки.

– Мне казалось, он с кем-то встречается, – произношу я как можно спокойнее.

– Уже нет. Говорит, что меня ему никто не заменит.

– И что ты ответила?

– Черт, что я могла ответить. Конечно нет! Одного удара в челюсть мне вполне достаточно.

Я смеюсь и хлопаю ее по плечу.

– Молодец! Надо быть сильной.

Джейд замедляет шаг.

– Так почему же мне так тошно? Маркус – прекрасный отец, Девон его обожает.

– Но ведь ему никто не запрещает принимать участие в жизни сына. Он должен радоваться, что ты ничего не рассказала Девону, никого ни в чем не обвиняла. Ведь в таком случае Маркусу пришлось бы исчезнуть из жизни сына.

– Знаю. Только Девон пока ничего не понимает. Он считает, что я несправедливо обижаю его отца. С одной стороны презрительное отношение ко мне сына, с другой нытье Маркуса. Он постоянно напоминает мне, как хорошо мы жили все вместе пятнадцать лет, что я все эти годы ездила на нем, а теперь резко нажала на тормоз. Как ему было тяжело, он работал днями и ночами, да еще и по выходным. Лишен сна и...

Я отключаюсь и перестаю вникать в то, что говорит Джейд. Об этих сказках Маркуса я слышала за последнее время раз тридцать и больше этого не вынесу. Получив поддержку родителей, Джейд в прошлом октябре ушла от Маркуса, в тот день, когда он ударил ее по лицу, и на следующей неделе подала на развод. Слава богу, она не дрогнула и не дала слабину. До сих пор.

– Маркус мне симпатичен, правда. Но ничто не может оправдать его. Ты не виновата, Джейд. Ни один мужчина не имеет права поднимать руку на женщину. Ни за что и никогда. Точка.

– Знаю. Ты все верно говоришь. Только я... пожалуйста, не осуждай меня. Аннабель, понимаешь, я скучаю по нему. Иногда.

– Если бы мы могли помнить только лучшее. – Я обнимаю ее за плечи. – Признаться, и я порой скучаю по тому, что было хорошего у нас с Джеком. Но я больше не могу ему доверять. У вас с Маркусом такая же ситуация.

Джейд поворачивается ко мне:

– Как прошло твоё свидание с Майклом? Сказала ему, чтобы поднимал свою задницу и бежал в магазин за кольцом с бриллиантом?

Пересказываю ей наш разговор субботним вечером.

– Получается, если я перееду в Чикаго, мы сможем больше времени проводить вдвоем.

Джейд смотрит на меня с сомнением.

– Да? Он обещал раз в месяц оставлять свой драгоценный город? И тебе не надо будет терпеть эту Злюку?

Я улыбаюсь придуманному для Эбби прозвищу.

– Майкл обещал. Знаешь, я уже очень хочу получить эту работу.

– Нет! Ты не должна уезжать! Я тебе не позволю.

Именно такой реакции я ждала от Майкла.

– Не волнуйся. Я уверена, что у них куча других, более подходящих кандидаток. Но я составила великолепное резюме, хотя так и нескромно говорить.

Рассказываю Джейд о Камнях прощения и идее пригласить на шоу Фиону и мою мать.

– Подожди – мать? Ты говорила, что потеряла ее.

Я закрываю глаза и внутренне съеживаюсь. Неужели я такое говорила?

– Фигурально, не в буквальном смысле. Много лет назад мы серьезно поссорились.

– Я не знала.

– Прости. Я не люблю об этом вспоминать. Очень тяжело.

– Я удивлена, Аннабель. Значит, вы помирились и ты хочешь пригласить маму в студию.

– Да нет же!

– Ясно, – качает головой Джейд. – А мне не рассказала.

– Это всего лишь идея для канала, – говорю я, делая вид, что не замечаю сарказма в ее голосе. – Я все это придумала. Мы с мамой не помирились.

– Бог мой. Ну-ка, расскажи мне подробнее об этих Камнях прощения. Это что-то типа отпущения грехов? Ты рассказываешь кому-то самую сокровенную тайну, отдаешь булыжник, и все становится хорошо?

– Звучит глупо, да?

Джейд пожимает плечами.

– Ну, не знаю. Вообще-то, наверное, здорово. Понимаю, почему эта идея стала так популярна. Кому не хочется, чтобы его простили?

– Верно, Джейд. Твой самый большой грех, видимо, кража крема со стенда в магазине? Я поворачиваюсь к ней и улыбаюсь. Однако Джейд мрачнеет.

– Да что ты. Я же шучу. Ты самый открытый и честный человек из всех, кого я знаю.

Джейд садится на траву и обхватывает колени руками.

– Аннабель, ты даже не представляешь...

Я тоже схожу с дорожки, чтобы пропустить бегущего мужчину.

– Более двадцати пяти лет огромная ложь портит мне жизнь, смердит, как головка вонючего сыра. С того дня, как папе поставили диагноз, эта боль буквально пожирает меня изнутри.

Джейд отворачивается и смотрит вдаль, словно пытается выбросить из головы черные мысли. Чертовы камни. Вместо того чтобы дарить людям успокоение, они приносят одни несчастья.

– Мне исполнилось шестнадцать, и родители решили устроить большой праздник. Папа волновался больше остальных. Хотел, чтобы все было идеально. Он решил сделать ремонт в комнате в подвале, поставить новую мебель, покрасить стены, словом, изменить все. Я тогда заявила, что хочу белый ковер. Папа не стал возражать. – Джейд смотрит на меня и грустно улыбнулась. – Представляешь, белый ковер в подвале?

– Ко мне должны были прийти пятнадцать девчонок. О, тогда мы были помешаны на парнях! Поэтому, когда в дверь постучала толпа ребят с водкой-черри и каким-то ужасным красным вином, мы, конечно, их впустили. Я была в ужасе. Что, если мои родители решат спуститься вниз и увидят, что мы выпиваем? Слава богу, они к тому моменту уже собирались спать и смотрели в спальне программу «48 часов». Они мне доверяли.

– В тот вечер моя подруга Эрика Уильямс напилась как свинья. Ее рвало. Повсюду. В том числе и на белый ковер.

– Бог мой! – восклицаю я. – И что ты сделала?

– Пыталась его оттереть, но не получилось. На следующее утро папа спустился вниз и все увидел. Я рассказала ему правду, что Эрике стало плохо. Он спросил: «Вы пили?» – а я подняла на него круглые глаза и ответила: «Что ты, папочка!»

Голос ее дрожит, и я обнимаю подругу за плечи.

– Джейд, это ерунда. Забудь. Ты была ребенком.

– Отец каждый год задает мне один и тот же вопрос, Анна. Даже в день моего тридцатилетия он спросил: «Джейд, Эрика выпила в тот день, когда тебе исполнилось шестнадцать?» И каждый раз я ему отвечаю: «Нет, папочка».

– Может, тогда настало время признаться? Отдай ему Камень прощения. Я уверена, что ложь терзает тебя гораздо сильнее, чем твоего отца ранит правда.

Она качает головой.

– Уже поздно. У него рак, метастазы по всему организму. Правда его уже не убьет.

Мы с Джейд завершаем последний круг, когда звонит Дороти. Голос ее уже много месяцев не звучал так бодро.

– Не могла бы ты навестить меня днем, дорогая?

Дороти обычно никогда не просит меня приехать. Более того, она постоянно твердит, что мне не стоит бывать у нее так часто.

– С радостью, – говорю я. – У тебя все хорошо?

– Великолепно. И привези, пожалуйста, полдюжины тех мешочков для камней. Их должны продавать в «Мишель».

О боже! Опять эти Камни прощения.

– Дороти, ты не приняла от меня камень, значит, тебе не нужно отправлять остальные, чтобы замкнуть круг.

– Полдюжины, – повторяет Дороти. – Для начала.

Я должна была это предположить. Дороти обожает отправлять письма по цепочке и принимать участие во всяких подобных штуках, конечно, она уцепится за новую забаву под названием Камни прощения. Она будет отправлять их, даже не имея надежды получить ответ.

– Да, но для начала нужно отправить одно письмо с просьбой простить, а не полдюжины.

– Полагаешь, за семьдесят шесть лет я обидела только одного человека? Разве ты не знаешь, что все мы глубоко в душе страдаем от чувства вины? Потому эти камушки так популярны. Они позволяют нам, даже обязывают нас быть ранимыми.

* * *

Во второй половине дня я приезжаю к Дороти. При первом взгляде на нее замечаю, что лицо ее будто разгладилось и она выглядит умиротворенной. Она сидит во дворике у стола с зонтиком, а перед ней лежит аудиокнига Фионы Ноулс. Я невольно хмурюсь. Девчонка, доставившая мне столько проблем, стала ангелом прощения и, несомненно, неплохо на этом наживается.

– Люди хранят тайны по двум причинам, – заявляет мне Дороти. – Чтобы защитить себя или защитить других. Так говорит мисс Ноулс.

– Поразительное открытие. Эта женщина настоящее золото.

– Именно так, – кивает Дороти, не замечая моей иронии или делая вид, что не замечает. – Ты принесла мне мешочки, дорогая?

– Угу. Белый тюль, – отвечаю я и кладу ей их на ладонь. – В маленький горошек салатного цвета.

Дороти пробегает пальцами по ткани и развязывает шнурок.

– Прекрасно. На тумбочке в моей комнате стоит миска с камнями. Не могла бы ты их принести?

Я возвращаюсь с пластиковой миской, и Дороти вываливает содержимое на стол.

– Мэрилин собрала их во дворе. – Она проворно распределяет камни на пары. – Эти для Мэри, – добавляет она. – Хотя ей пока об этом неизвестно.

– Мэрилин? – удивляюсь я, услышав имя самой ее дорогой и близкой подруги, но, подумав, сознаю, что это не лишено смысла. – Я так понимаю, если ты знаешь человека всю жизнь, то непременно несколько раз да обидишь его. Я права?

– Абсолютно. Это было впечатляюще. – Дороти закрывает глаза, словно погружаясь в воспоминания. – Мне всегда казалось, что жизнь похожа на пещеру с извилистыми коридорами, украшенную множеством свечей. Когда мы рождаемся, вспыхивает половина свечей. Совершая доброе дело, мы зажигаем свечи по одной, и помещение освещается все лучше.

– Как интересно.

– Но на жизненном пути некоторые свечи гаснут из-за нашего эгоизма и жестокости. Понимаешь, мы сами зажигаем свечи, сами их и задуваем.

Я задумываюсь о том, как выглядела бы моя пещера со свечами. Интересно, в ней было бы больше света или тьмы?

– Какая красивая аллегория, Дороти. В твоей пещере очень светло, дорогая моя подруга.

– О, я и погасила немало. – Она берет вторую пару. – А эти для Стивена.

– Как благородно. Я думала, ты его ненавидишь.

Я дважды видела Стивена Руссо, когда встречалась с Джеком. Он произвел на меня впечатление порядочного человека. Дороти редко вспоминает о бывшем муже, и лишь то, что этот бесполезный подонок бросил ее через девять месяцев после того, как она перенесла маст-эктомия. С той поры прошло уже три десятилетия, но, как я понимаю, раны Дороти еще не затянулись.

– Я имею в виду Стива Уиллиса, моего ученика. Он был умным мальчиком, но его семья была ужасна. Я не дала ему возможности забыть ее, Анна, и до сих пор не могу себя простить. Думаю, его братья до сих пор живут в городе, я смогу найти его через них.

Смело. Или нет? Возможность попросить прощения успокоит совесть Дороти, но может напомнить Стивену о том периоде детства, который он предпочел забыть навсегда.

Дороти берет в руки следующую пару.

– Эти для Джексона. Я так и не извинилась перед ним за то, что вмешивалась в его жизнь.

От этих слов у меня по спине бежит холодок.

– Если бы не я, вы были бы сейчас мужем и женой. Это я посоветовала ему признаться тебе, Анна. Вина была для него слишком тяжелым грузом. Матери чувствуют такие вещи. Эта его тайна могла бы разрушить ваши отношения после свадьбы. Я уверяла его, что ты простишь. Но ошиблась.

– Я простила, – говорю я, сжимая ее руку. – Но хорошо, что ты об этом сказала. Думаю, Джексону не стоило мне признаваться. Некоторые тайны лучше хранить вечно.

Дороти вскидывает подбородок.

– Например, те, что связаны с твоей матерью?

– Я никогда не говорила ни о какой тайне.

– Тут и не надо ничего говорить. Женщина просто так не бросит своего ребенка, Анна. Ты уже отправила ей Камень прощения?

Я слатываю горечь.

– Я спрашивала у Джулии. Мама не писала мне писем.

Дороти тихо фыркает.

– А тебе не приходит в голову, что твой отец мог ничего и не сказать своей подруге?

– Мне нужно время, чтобы все обдумать, Дороти.

– Пока не зажжешь свет везде, где только можно, чтобы отступила тьма, ты никогда не сможешь отыскать дорогу. Так говорит Фиона.

Глава 6

По дороге домой заезжаю за сэндвичем в «Гайз». Уже темнеет, когда я стою на своей кухне, тупо смотрю в экран ноутбука, ем сэндвич с жареными устрицами и чипсы «Зэпа».

Пока ты не зажжешь свет везде, где только можно, чтобы отступила тьма, никогда не сможешь отыскать дорогу. Слова Дороти – или Фионы – заставляют меня содрогнуться. Каково это – ощущать, что совесть твоя не запятнана, а ты чистый, достойный уважения человек?

Черт! К чему эти мысли? Можно подумать, моих проблем на работе и в личной жизни мало для того, чтобы бизнес у «Гайз» процветал. Отхожу к холодильнику и открываю дверцу морозильной камеры. Несколько минут смотрю в морозное нутро, пока наконец не замечаю то, что мне сейчас нужно: кварта мороженого с карамелью и морской солью. Я уже тянусь к нему, но в последнюю минуту себя останавливаю. Изо всех сил хлопаю дверцей, закрывая ее, и жалею, что не могу запереть на замок. Для тех, кто работает на телевидении, калории – разрушители карьеры. Конечно, Стюарт еще не делал мне замечаний, но однажды дал понять, что горизонтальные полосы уже не для меня.

Возьми же себя в руки!

Бросаю бумажные обертки в мусорную корзину и иду в гостиную. За стеклом больших французских окон день медленно превращается в вечер. Семьи садятся ужинать, мамы собираются купать малышей.

В моей голове без всякого разрешения возникают мысли о Джеке. Уверена ли я, что сказала сегодня Дороти правду? Если бы он не признался, я ничего бы не узнала об измене, и мы были бы женаты уже три года. Он работал бы ресторанным консультантом здесь, а не в Чикаго. Нашему первому ребенку был бы уже год, и мы бы подумывали о втором. Зачем же он все испортил? Эта Эми была его стажером! Двадцать лет, черт возьми! Надо отбросить эмоции. Хотела бы я, чтобы он скрыл от меня правду? Не могу ответить. Кроме того, сейчас я уверена, что все к лучшему. Тогда я не встретила бы Майкла. А с Майклом мне лучше, чем было с Джеком. Конечно, он был милым. С ним я много смеялась. Но Майкл – моя судьба. С ним тепло, уютно, он умный, а то, что у него мало свободного времени, в некоторой степени гарантирует верность.

Оглядываюсь и вижу свою сумку на стуле, куда бросила ее, когда вошла. Подхожу и беру, чтобы положить на место. Камни падают на ладонь. Перебирая их пальцами, как четки, иду к столу и достаю лист бумаги.

Пишу первое слово, чувствуя, как трепещет сердце.

Мама.

Вдыхаю полной грудью. Пожалуй, настало время нам помириться.

Рука так дрожит, что я не могу писать. Откладываю ручку и встаю. Нет, я не могу.

Открытые французские окна манят меня, и я выхожу на балкон. Опираюсь на металлическое ограждение и смотрю с высоты шестого этажа на улицу, поднимаю глаза и любуюсь темнеющим небом с оранжевыми и пурпурными всполохами. Трамвай движется по Сент-Чарльз, но вскоре останавливается у зеленой полоски газона, разделяющей бульвар.

Почему Дороти так настойчива? Я рассказала ей о своем прошлом в тот день, когда мы встретились в фойе дома «Эванджелин». Мы тогда поболтали минут десять, потом она предложила мне подняться наверх.

– Номер моей квартиры два-семнадцать. Выпьешь со мной коктейль? Приготовлю нам «Рамос Физз», согласна?

Дороти мне сразу понравилась. Я определила, что ее личность состоит из двух частей меда и одной бурбона – она из тех людей, которые прямо смотрят в глаза, и мне казалось, я знаю ее всю свою жизнь.

Мы сидели в креслах – одно не похоже на другое – и пили восхитительный старый орлеанский коктейль, приготовленный из джина, сливок и цитрусового сока. Медленно потягивая напиток, Дороти рассказала мне, что в разводе уже тридцать четыре года, что на двадцать лет дольше ее замужества.

– Стивен – любитель женских прелестей, а тогда мастэктомиию не делали так аккуратно, как сейчас. Было трудно, но я справилась. Интересы молодой девушки с юга сузились до желания добиться положения в обществе, пока не удастся найти нового мужа и отца для Джексона. Моя мама пришла в ужас, узнав, что я осталась одна и выбрала для себя работу школьной учительницы английского в Уолтер-Коэн. Прошли годы, и я поняла, что двадцать лет пролетели, как легкий летний дождик.

Она рассказывала о своем детстве, о том, как росла в Новом Орлеане в семье известного акушера.

– Папа был чудесным человеком, – вспоминала Дороти. – Но маме казалось, что быть женой акушера не слишком престижно, ведь ее семья жила в одном из шикарных особняков на Одюбон-Драйв. Амбиции отца не дотягивали до ее желаний.

Видимо, тогда «Рамос Фризз» незаметно ударил мне в голову, потому что я неожиданно поняла, что рассказываю Дороти о своей семье, а подобное случалось со мной крайне редко.

Мне было одиннадцать, когда отца продали, он перешел из «Атланта брэйвз» в «Детройт тайгерз». За шесть недель моя жизнь здорово изменилась. Родители купили дом в уважаемом пригороде Блумфилд-Хиллз и отдали меня в крутую школу для богатых девочек. В первый же день я поняла, что никогда не стану своей в этом сплоченном кругу шестиклассниц. Потомкам Генри Форда и Чарльза Фишера не было дела до тощей новенькой, чей отец оказался рядовым игроком в бейсбол из Скулкилл-Каунти в Пенсильвании. По крайней мере, так решила заводила всех девочек Фиона Ноулс. Остальные пятнадцать шли за ней, как крысы за Нильсом.

В то время моя мама – дочь шахтера – была моей единственной подругой. Ей было всего тридцать один год, и она была хороша собой. В нашем районе мама стала таким же изгоем, как и я.

Она сидела у окна, задумчиво смотрела куда-то вдаль и курила. К сожалению, у нас не было выбора. Отец обожал бейсбол, а мама, так и не получившая никакого образования, любила папу. По крайней мере, я так думала.

Мой мир рухнул холодным ноябрьским вечером, через тринадцать месяцев после нашего переезда. Я сидела за кухонным столом, смотрела, как за окном падает снег, и жаловалась маме на нескончаемую вереницу серых, холодных дней и приближающуюся зиму. Мы обе скучали по нашему дому в Джорджии, любили вспоминать голубое небо и теплый бриз. Тогда впервые мама со мной не согласилась.

– Тебе не стоит быть такой категоричной, – сухо произнесла она. – Конечно, климат на юге лучше, но это не так важно. Тебе просто надо изменить свое отношение.

Я скривилась, чувствуя себя обиженной, даже подумала, что потеряла единственного союзника, но возразить мне не удалось – в следующее мгновение на пороге появился улыбающийся отец. В сорок один год он был самым возрастным игроком высшей лиги. Первый его сезон в Детройте прошел неудачно, и это отразилось на его настроении. Он весело подхватил маму и закружил ее по комнате.

– Мы возвращаемся домой! – закричал он. – Перед тобой главный тренер «Пантерз»!

Я понятия не имела, кто такие «Пантерз», но отлично помнила, где мой дом. Атланта! Несмотря на то что мы прожили в Джорджии всего два года, я считала ее своей. Там мы

были счастливы, устраивали барбекю и вечеринки с соседями, проводили выходные в Тайби-Айленд.

Мама нахмурилась и оттолкнула отца.

– От тебя разит, как из бочки.

Ему, кажется, было все равно. Впрочем, и мне тоже. Я бросилась к отцу, он подхватил меня, и я с удовольствием вдыхала запах «Джек Дэниелс» и сигарет «Кэмел». Меня очаровывал и восхищал этот большой красивый мужчина. Я посмотрела через его плечо на маму, уверенная, что она кружится в танце, но она стояла, упершись руками в край раковины, и молча смотрела в окно.

– Мама! – крикнула я, вырываясь из объятий отца. – Мы возвращаемся домой. Разве ты не рада?

Она повернулась к нам, и я увидела, что ее лицо покрылось красными пятнами.

– Иди в свою комнату, Анна. Нам с твоим отцом надо поговорить.

Голос звучал глухо, я сама говорила так, когда была готова расплакаться. Я нахмурилась. Что случилось? Это же такая чудесная возможность уехать из Мичигана. Мы вернемся в Джорджию, где небо голубое и ярко светит солнце, а девочки в школе меня любят.

Фыркнув, я выбежала из кухни, но не поднялась к себе в спальню, а спряталась за диваном в гостиной и принялась из темноты слушать, о чем говорят родители.

– Тренерская работа? – донеслись до меня слова мамы. – С чего это вдруг, Джон?

– Ты несчастлива здесь, Сьюзен, и никогда этого не скрывала. К тому же, знаешь ли, я уже стар для игры, а тренерская работа – большая удача. Через несколько лет я смогу претендовать на место в высшей лиге. Денег нам хватит, даже если я больше не буду работать ни одного дня в жизни.

– Это снова из-за выпивки?

– Нет! – неожиданно громко выкрикнул отец. – Черт возьми, я думал, ты обрадуешься.

– Я подозреваю, ты чего-то недоговариваешь.

– Подозревай все, что хочешь. Мне предложили место, и я согласился. Я уже дал ответ.

– Не обсудив со мной? Как ты мог?

Я невольно вздрагиваю. Что так расстраивает маму? Ей ведь тоже здесь не нравится. Папа сделал это для нее – для нас, она должна прыгать от счастья.

– Мне никогда не удастся тебя порадовать. Чего же ты хочешь, Сьюзен?

Я чувствовала, как горько плачет мама. Мне хотелось подбежать к ней, пожалеть, успокоить, но я зажала рот ладонью и ждала, что будет дальше.

– Я... я не могу уехать.

Папа говорил так тихо, что мне пришлось напряженно прислушиваться.

– Господи. Ты серьезно?

Затем я услышала странный звук, словно рев раненого зверя. Сдавленно рыдая, отец умолял маму поехать с ним. Говорил, что она ему нужна, что он ее любит. Меня переполнял страх, душу охватила паника. Я никогда не видела, чтобы отец плакал. Он был сильным и всегда сдержанным. Жизнь моя рушилась. Высунувшись из укрытия, я увидела, как мама поднимается по лестнице, через минуту хлопнула дверь спальни. В кухне стул царапнул пол. Я представила, как папа садится на него и прячет лицо в ладонях. Затем это началось снова – вой человека, только что потерявшего свою любовь.

Через неделю тайна была раскрыта. Моего отца опять продали, но на этот раз его жена. Она нашла ему замену по имени Боб – мастера по обучению в деревообрабатывающей мастерской, подрабатывающего в несезон плотником.

Методист из моей школы дала маме его телефон, когда прошлым летом она собралась сделать ремонт в кухне.

В итоге я все же получила то, о чем мечтала, и переехала в Атланту к папе, но этого пришлось ждать еще девять месяцев. Моя мама осталась в Детройте с мужчиной, которого любила больше папы. И больше меня.

А теперь я должна быть с ней милой и вежливой? Дороти не знает и половины правды. Вся известна лишь четверым, и один из них уже мертв.

Я пыталась рассказать историю своей жизни Майклу в надежде, что он меня пожалеет. Это было на нашем третьем свидании, когда мы ужинали в «Арно». Потом мы сидели в моей гостиной и пили «Приммз». Он рассказал мне трагическую историю о том, как погибла в аварии его жена, и мы оба плакали. Раньше я никому не раскрывала своей тайны, но в тот вечер чувствовала уверенность, что поступаю правильно, мне было тепло и уютно рядом с Майклом. Я начала с самого начала, но закончила, умолчав о случае с Бобом.

– Я переехала в Атланту вместе с папой. Первые два года я виделась с мамой раз в месяц, всегда на нейтральной территории – как правило, в Чикаго. Не могу сказать, что мне не хотелось побывать у нее дома, просто не разрешал отец. Он всегда старался меня защитить, признаться, это меня восхищало. Когда мама жила с нами, я не была близка с папой. Рядом всегда была мама, а он находился на левом поле – в прямом и переносном смысле. Он редко бывал дома, куда-то уезжал или был на тренировке, а еще чаще в баре.

Майкл вскинул бровь.

– Да. Папа любил повеселиться. Любил виски. – Я потупила взгляд, стыдясь того, что пытаюсь что-то скрыть, так отзываюсь о человеке, которому больше подошло бы определение «алкоголик». Голос срывается, и я замолкаю на несколько минут, собираясь с силами, чтобы продолжить: – Вот так. После окончания школы я с ней не виделась и не разговаривала. Но я в порядке, правда, все хорошо. Не понимаю, с чего вдруг я сейчас расплакалась.

– Это тяжело. – Майкл обнимает меня за плечи и притягивает к себе. – Не думай об этом, дорогая. Твоя мама просто запуталась. Если бы она только знала, какого прекрасного человека оставила.

Он поцеловал меня в макушку, и этот трогательный, почти отеческий жест взволновал мою душу.

Тогда еще были живы воспоминания о расставании с Джексоном – прошел всего год, и рана в сердце не зажила.

Неудивительно, что тебе так просто расстаться со мной, Анна. Мы никогда по-настоящему и не были вместе.

Впервые в моей жизни кому-то удалось разрушить стену, которую я так тщательно возводила, чтобы уберечь свое сердце. Слова тогда слетели с языка прежде, чем я успела подумать, правильно ли поступаю.

– Он... ее друг... Боб, он трогал меня. Мама мне не поверила. Поэтому я и уехала из Мичигана. Но мама осталась с ним...

Ужас на лице Майкла заставил меня замолчать.

– Я хочу дать тебе совет, Анна. Есть вещи, которые тебе лучше хранить в тайне. Ты человек публичный, надо думать об имидже.

Я посмотрела на него с удивлением.

– Имидже?

– Я просто советую. У тебя имидж милой девушки, у многих есть такая приятная соседка. У такого человека хорошие манеры и безупречное прошлое. Таков твой образ. И не стоит давать повод думать, что этот образ придуман.

«Анна!

Нам очень приятно, что Вас заинтересовало наше предложение. Вся наша команда была в восторге от Вашей идеи. Встреча с Фионой Ноулс

идеально вписывается в концепцию шоу, а Ваше личное участие придаст нужные акценты.

Моя помощница Бренда Старк вскоре с Вами свяжется. Она планирует организовать собеседование 7 апреля.

С нетерпением жду встречи,
Джеймс».

– Черт! – вскрикиваю я, глядя на экран ноутбука. – Я скажу, что заболела.

Джейд постукивает пальцем по кисточке с рассыпчатой пудрой, стряхивая излишки на мой халат.

– В чем дело?

Нахожу и открываю документ в папке.

– Посмотри, Джейд. Помнишь предложение, которое я отправляла на WCHN? Похоже, оно им понравилось. Но, знаешь, я ведь там многое придумала. Я не собираюсь признаваться им, что прошло два года, прежде чем я отправила Фионе ее камень. И мама... в письме я указала, что мама придет на шоу. Это ложь. Я не отправляла ей камень. Это я тоже придумала.

Джейд кладет руку мне на плечо.

– Эй, успокойся. Это ведь всего лишь идея. Кто сказал, что они обязательно будут снимать.

– Неизвестно, – говорю я, пожимая плечами. – Но мне стыдно. А что, если они спросят?

– Так отправь ей камень.

– Маме? Нет. Нет и нет. Я не могу просто так отправить камень. Я столько лет ее не видела.

Джейд смотрит на меня в зеркало.

– Можешь. Если захочешь. – Она берет баллончик с лаком для волос и хорошенько встряхивает. – Впрочем, меня это не волнует. Я врать не умею, надеюсь, эта работа тебе не достанется.

– Не достанется работа? – В дверном проеме появляется Клаудия, одетая в сливового цвета платье-футляр. Ее спадающие на плечи кудри напоминают мне о кукле Барби, которая у меня была когда-то в детстве.

– А, привет, – киваю я. – Это работа в...

– Нигде, – перебивает меня Джейд. – Что тебе надо, Клаудия?

Я встаю с кресла.

– У меня сегодня такая глупая тема: средство от комаров с лучшим запахом. – Она протягивает нам два пузырька. – Хотела услышать ваше мнение, дамы.

Она сует в лицо Джейд одну бутылочку, потом вторую с распылителем.

– Первый, – говорит Джейд и отворачивается.

Я подозреваю, что она даже не понюхала, просто хочет скорее отделаться от Клаудии.

– А тебе, Анна?

Откладываю ноутбук и беру пузырек.

– Неплохо.

Клаудия распыляет второй прямо мне в нос.

– Ох. – Я чихаю. – Непонятно.

– Да? – Клаудия подходит ближе, поднимает руку с пузырьком, и мне в глаза словно врезаются сотни иголок.

– Вот черт! – Спешу закрыть глаза руками.

– Ой, прости, пожалуйста, Анна.

– Черт! – кричу я. – Черт! Черт! Глаза горят!

– Иди сюда, – зовет меня Джейд. – Надо промыть.

Я слышу тревогу в ее голосе, но не могу поднять веки. Джейд берет меня за руку и ведет к раковине. Глаза отказываются открываться, по щекам текут слезы.

– Мне так жаль, – снова и снова повторяет Клаудия.

– Все в порядке. – Я склоняюсь над раковиной. – Не волнуйся.

Слышу шаги и понимаю, что в комнату кто-то вошел. Судя по торопливой походке, это Стюарт.

– Что у вас тут происходит? Бог мой! Что с тобой такое, Фарр?

– Клаудия брызнула... – начинает Джейд, но я ее перебиваю:

– Средство от комаров попало в глаза.

– Отлично. У тебя через десять минут эфир.

Я чувствую, что он уже стоит рядом со мной, и представляю, как склоняется над раковиной, чтобы я его лучше слышала.

– Бог мой! Только взгляни на свое лицо. Уродина!

– Благодарю, Стюарт. – Я могу только догадываться, как выгляжу с красными, воспаленными глазами и стекающим по лицу макияжем. Но разве так необходимо об этом говорить!

– Итак, – продолжает Стюарт, – Клаудия, ты должна начать шоу. Будешь вести, по крайней мере, до того времени, пока она не станет похожа на человека.

Я поднимаю голову и слепо оглядываюсь по сторонам.

– Подождите. Нет. Я...

– Конечно, – произносит Клаудия. – Буду рада помочь Анне.

– Дайте мне пару минут, – говорю я и стараюсь поднять веки пальцами.

– Ты молодец, Клаудия, – говорит, словно не замечая меня, Стюарт. – Умешь работать в команде. – Слышу, как его лоферы поскрипывают уже где-то у двери.

– Фарр, у тебя сегодня выходной. В следующий раз не будь такой беспечной.

– Об этом не волнуйтесь, – с кривой ухмылкой произносит Джейд. – И Стюарт, захватите с собой эту дрянь.

Слышу, как Клаудия, задохнувшись, пытается что-то сказать.

– Джейд! – одергиваю я подругу.

На несколько секунд в комнате повисает напряженное молчание.

– Этот мерзкий спрей от комаров, – добавляет Джейд, и я слышу, как она передает его Стюарту.

Вскоре дверь закрывается, и мы остаемся одни.

– Какая коварная стерва! – Джейд не может сдержаться.

– Прекрати, – успокаиваю ее я, накладывая ватные диски на глаза. – Неужели ты думаешь, что она это сделала специально?

– Солнышко, тебе известно такое слово ма-ни-пу-ли-ро-вать?

Глава 7

Две недели спустя, в среду утром я прибываю в аэропорт О'Хара. На мне темно-синий костюм и туфли на каблуках, на плече висит дорожная сумка. Меня встречает крепкий мужчина с табличкой «Анна Фарр/ WCHN».

Мы выходим из здания на улицу, и холодный ветер едва не сбивает меня с ног.

– Я думала, у вас уже весна, – говорю я и поднимаю воротник плаща.

– Добро пожаловать в Чикаго, – отвечает он и кладет мою сумку в багажник «кадиллака».

Мы едем по шоссе А-90 в главный офис WCHN на Логан-сквер. Я засовываю ладони между коленями, надеясь согреться, и пытаюсь успокоиться и настроиться на встречу. Чтобы отвлечься, смотрю в окно, на затянутое тучами небо и падающие на асфальт снежинки, перемешанные с каплями дождя.

Мы проезжаем пригород с его кирпичными домами и пристроенными к ним гаражами, и я невольно вспоминаю Джека. Как глупо. Джек живет в центре города, а не на окраине, но сама атмосфера Чикаго навеивает мысли о том, какой могла быть наша жизнь, если бы он меня не предал. Возможно, я поддавалась бы его мольбам и осталась с ним, мы жили бы в одном из этих уютных домиков. Была бы я сейчас счастливее, если бы не придала значения его выходке с той девицей? Нет. Отношения, построенные на недоверии, лишены будущего. Рассеянно глядя в окно, я достаю из сумки телефон и набираю номер единственного человека, который может по мне скучать.

– Дороти, это я.

– О, Анна, как я рада тебя слышать. Представляешь, сегодня утром я получила еще один мешочек с Камнями прощения. Патрик Салливан – ты его знаешь, тот джентльмен с низким голосом. От него всегда пахнет так, будто он только вышел от парикмахера.

Я улыбаюсь, слушая описания Дороти, они всегда связаны с запахами и звуками, а не с визуальными образами.

– Да, я помню Патрика. Он прислал тебе камни?

– Прислал. Просил прощения за «годы забвения», как он выразился. Видишь, жизнь опять нас свела. Он коренной новоорлеанец, как и я. У нас был роман, давно, еще в Тулейне, все было прекрасно до того дня, как он решил подать заявление на обучение со стипендией в Тринити-Колледж в Дублине. Мы расстались вполне мирно, но я никак не могла понять, почему он разорвал отношения столь внезапно. Мне казалось, мы любили друг друга.

– И он попросил прощения?

– Да. Бедняга нес на себе тяжкий груз все эти годы. Понимаешь, мы оба хотели уехать в Тринити, провести вместе лето в Ирландии, изучать поэзию, гулять по живописным окрестностям. Это так романтично. Мы вместе часами писали очерки. Господи, мы тогда доверху заполнили мусорную корзину испорченными листами. Вечером перед финальным днем подачи мы читали друг другу свои творения, и я плакала, когда слушала его новеллу.

– Было так трогательно?

– Нет. Это было ужасно. Я не сомневалась, что он никогда не получит положительный ответ, и очень страдала. Ночью я не сомкнула глаз и была очень удивлена, когда узнала, что он выиграл поездку. У меня же, напротив, имелись все шансы, будь я только немного смелее. Но ехать без Пэдди мне не хотелось, кроме того, я понимала, что если одна получу возможность поехать, то разобью ему сердце. Наутро я приняла решение и не стала подавать заявление.

– И он воспринял это спокойно?

– Я ему так и не призналась. Мы вместе пошли к почтовому ящику, чтобы отправить письма, но я бросила пустой конверт. Через три недели Пэдди сообщил мне радостную новость. Его приняли.

– Приняли? Так вы могли бы поехать вместе!

– Его родители были счастливы. Сын будет учиться в той стране, откуда их корни. Мне с большим трудом удавалось скрыть удивление и... разочарование. Пэдди был на седьмом небе и не сомневался, что и я скоро получу положительный ответ. Конечно, я не могла признаться, что так мало верила в его успех, что сама лишила себя шанса. Подождав пару дней, я сообщила ему, что мою просьбу отклонили. Пэдди очень переживал, клялся, что не поедет один.

– Получается, что вы оба проиграли.

– Нет. Я уговорила его, сказала, что глупо упускать такую возможность, обещала ждать его возвращения в сентябре. Я сама настояла, чтобы он поехал.

– И он уехал?

– Да. В июне. Больше я его не видела. Двадцать пять лет он жил в Дублине. Стал архитектором. Женился на ирландской девахе, у них три сына.

– И сегодня он прислал извинения за то, что бросил тебя?

– Как и я, Пэдди понимал, что его очерк вряд ли понравится, кроме того, ему действительно не хотелось со мной расставаться. Но ему нужна была помощь, сам бы он не справился. Поэтому он взял одно из тех сочинений, что я выбросила в корзину, и переписал. Видимо, это было прекрасное сочинение на тему важности семейных ценностей и возвращения к истокам. Я не помню, что писала такое. И теперь он решил мне во всем признаться. Представляешь? Он столько лет хранил эту тайну.

– Что ты ему ответила?

– Разумеется, простила. Я и много лет назад его простила бы, если бы он извинился.

– Разумеется. – Я невольно задумываюсь, что было бы, если бы Патрик дорожил любовью Дороти. – Удивительная история.

– Эти камни, Анна, вызвали большой ажиотаж, чем появление нового мужчины в нашей обители, – смеется Дороти. – В нашем возрасте камни дают возможность очиститься, так сказать, пока не опустился занавес после финального акта. Великолепный подарок от этой милой мисс Ноулс. Несколько человек собрались отправиться на встречу с Фионой в «Октавия-букз» двадцать четвертого числа. Мэрилин тоже поедет. Может, и ты составишь нам компанию?

– Возможно, – говорю я, – но пока не могу сказать точно. По-моему, камни не могут снять с человека вину за украденный очерк. Мне кажется, люди уцепились за эти камни, потому что они дают возможность слишком легко получить прощение.

– Знаешь, я тоже думала об этом. Некоторые грехи слишком велики не то что для камня, даже для валуна. Во многих случаях просто попросить прощения недостаточно. Мы заслуживаем определенного наказания.

Я думаю о матери, и сердце начинает биться чаще.

– Согласна.

– Вот почему я еще не отправила камни Мэри. Мне надо сделать что-то такое, что действительно поможет мне искупить вину. – Голос Дороти становится тише, словно мы с ней заговорщицы. – А как ты? Еще не связалась с мамой?

– Дороти, прошу тебя, ты ведь почти ничего не знаешь.

– А ты знаешь? – спрашивает она таким тоном, словно я ее ученица, а она строгая учительница. – «Сомнение – неприятное состояние, но уверенность – это абсурд». Это слова Вольтера. Прощу тебя, не будь столь уверена в собственной правоте, Анна. Надо выслушать и другую сторону – твою маму.

Через сорок минут машина останавливается у вытянутого двухэтажного кирпичного здания. Наша студия в Новом Орлеане поместилась бы на одном этаже одного крыла этого монстра. У входа, окруженного высокими елями, висит табличка: «WABC». Ступаю на мокрый асфальт и делаю глубокий вдох. Шоу начинается.

Джеймс Питерс проводит меня в переговорную, где нас уже ждут пять высших руководителей канала – трое мужчин и две женщины. Я готовлюсь к тому, что меня будут поджаривать на вертеле, но вместо этого у нас получается спокойный и приятный разговор, словно мы уже коллеги. Мне задают вопросы о Новом Орлеане, о моих интересах, о том, как я веду свое шоу, какие гости у меня бывают.

– Нас больше всего заинтересовала ваша идея, – говорит Хелен Камп, сидящая от меня дальше всех. – Здесь, на Среднем Западе, Фиона Ноулс буквально с ума всех свела со своими Камнями прощения. А то, что вы знакомы и были в числе тех, кому она отправила свои камни, делает историю еще более увлекательной. Мы будем рады снять эту программу, если вы станете у нас работать.

В горле встает ком.

– Отлично, – с трудом выговариваю я.

– Расскажите, что произошло, когда вы получили камни? – вступает в разговор седовласый мужчина, чье имя я не запомнила.

Я чувствую, что краснею. Черт! Со мной происходит то, чего я так боялась.

– Я получила письмо по почте и сразу вспомнила Фиону, девочку, которая постоянно издевалась надо мной в шестом классе.

Ян Хардинг, вице-президент по маркетингу:

– Любопытно, вы сразу отправили ей камень или раздумывали несколько дней?

– Или недель, – добавляет мистер Питерс, словно большего ожидания и предположить невозможно.

Я нервно смеюсь.

– Им пришлось подождать несколько недель. – Не стоит уточнять, что этих недель было сто двенадцать.

– А второй камень вы отправили матери? – спрашивает Хелен Камп. – Вам было просто это сделать?

Господи, нельзя ли поскорее закончить этот разговор. Я невольно прикасаюсь к кулону с сапфиром и бриллиантами, ставшему моим талисманом.

– Книга Фионы Ноулс меня действительно тронула, – говорю я и вспоминаю любимую цитату Дороти. – «Пока ты не зажжешь свет везде, где только можно, чтобы отступила тьма, ты никогда не сможешь отыскать дорогу».

На глаза наворачиваются слезы. Пожалуй, впервые я до конца осознаю смысл этих слов. Я так и не смогла отыскать свою дорогу. Я потерялась в темноте. Зачем я сижу здесь, рассказываю глупую историю о прощении, лгу всем этим людям?

– Мы рады, что вы нашли свой путь, – говорит Ян. – А мы нашли вас, – добавляет он, чуть подавшись вперед.

Я сижу рядом с Джеймсом Питерсом на заднем сиденье такси, мчащегося по Фуллертон-авеню к Кинзи-Чоп-Хаус, где за ланчем мы должны встретиться с двумя ведущими телеканала.

– Вы были молодцом, Анна, – бодро говорит он мне. – У нас прекрасная команда, надеюсь, вы впишетесь.

Конечно, если кому-то может подойти лгуныя. Какого черта я выбрала идею с этими камнями? Ведь ни за что не смогу пригласить маму на шоу.

С улыбкой поворачиваюсь к Питерсу.

– Благодарю. Ваша команда действительно впечатляет.

– Буду с вами откровенен. У вас лучшее предложение из всех, которое мне попадалось. И вы потрясающе смотрите в кадре. Я следил за вами почти десять лет. В Новом Орлеане живет

моя сестра, она говорит, вы там настоящая звезда. Но последние три месяца ваши рейтинги падают.

Я едва сдерживаю стон. Как бы мне хотелось рассказать сейчас о своих отношениях со Стюартом, пожаловаться, что он выбирает идиотские темы, но это будет выглядеть так, словно я защищаюсь. В конце концов, я выпускаю собственное шоу – «Шоу Анны Фарр».

– Верно. Бывали времена и получше. Вся ответственность лежит на мне.

– Я знаком со Стюартом Букером. Работал с ним в Майами перед тем, как перебрался сюда. Вы губите свой талант на WNO. Здесь вы сможете расправить плечи, с вашим мнением станут считаться. Настанет день, и вы будете в нашей команде, тогда мы снимем программу о Фióне Ноулс. Обещаю вам.

Сердце подпрыгивает к горлу.

– Приятно слышать, – улыбаюсь я, ощущая при этом восторг от победы и панический страх одновременно.

Эти эмоции не оставляют меня до девяти вечера, когда вхожу в фойе небольшого бутик-отеля на Оук-стрит. Бросаюсь к стойке регистрации, но думаю о том, как бы поскорее уехать отсюда, забыть об этом городе и собеседовании. Поднявшись в номер, я сразу звоню Майклу, говорю, что вернусь завтра рано утром и непременно буду готова ко времени нашего субботнего свидания.

Мысли об этом поднимают мне настроение.

Изначально я заказала обратный билет на воскресенье, поскольку Майкл и Эбби собирались прилететь сюда на выходные, но перед отъездом Майкл позвонил и сказал, что дочь неважно себя чувствует и они решили отменить поездку.

Я хотела сказать Майклу, что он может прилететь один, ведь он собирался навещать меня в выходные, но передумала. Ведь Эбби нездорова – или, по крайней мере, так говорит, – а какой отец уедет из дома, если ребенок болен? Грустно усмехаюсь и качаю головой. Один Бог знает, какой холодный расчет движет этим ребенком.

Спускаюсь в фойе и направляюсь к выходу, но в какой-то момент вижу его. Он сидит в кресле и говорит по сотовому телефону. Я замираю на месте. Но он замечает меня, поднимается и ленивой походкой направляется в мою сторону.

– Привет, – говорит он, убирая в карман телефон.

Время замедляет свой ход. Я мгновенно узнаю его кривую улыбку, отмечаю, что волосы его растрепаны больше, чем обычно. Но южное очарование, которое заставило меня влюбиться в него почти мгновенно, по-прежнему с ним.

– Джек, – киваю я. Мне неожиданно становится легко и спокойно. – Что ты здесь делаешь?

– Мама сказала, что ты в городе.

– Ну, разумеется. – Мне больно оттого, что Дороти до сих пор надеется, что мы с Джеком каким-то образом помиримся и опять будем вместе.

– Мы можем где-нибудь поговорить? – предлагает он, указывая большим пальцем на лифт. – Там есть бар. Этажом ниже. – Он говорит так, будто это вполне естественно – проводить время с бывшим в незнакомом баре чужого города.

Мы устраиваемся на диване в форме подковы, и Джек заказывает два джина с мартини.

– Один со льдом, – говорит он.

Я впечатлена, что он помнит, но я уже не та, что была во времена, когда мы встречались. Этот коктейль уже давно не мой любимый, я предпочитаю что-то полегче, например водку с тоником. Разумеется, Джек об этом не знает, мы не выпивали с ним более двух лет.

Джек рассказывает о своей работе и жизни в Чикаго.

– Ужасно холодно. – Он сопровождает фразу своей фирменной усмешкой, но глаза его при этом остаются грустными. Они теперь всегда такие, и мне сложно к этому привыкнуть. Когда мы были вместе, особенно в начале романа, когда все еще было замечательно, его взгляд всегда лучился весельем. Невольно задаюсь вопросом, не я ли в ответе за то, что эта радость исчезла. Джек улыбается мне и поднимает бокал.

– За старых друзей, – говорит он.

Я внимательно разглядываю сидящего передо мной мужчину, которого считала своим мужем. Смотрю на его румяные щеки, изогнутые в усмешке губы, покрытые веснушками руки с искусанными ногтями. Он такой настоящий. Я испытываю к нему симпатию, несмотря на предательство. Некоторые друзья похожи на старый любимый свитер. Мы редко надеваем его, предпочитая рубашки и футболки, но знаем, что старый свитер лежит в дальнем углу шкафа, такой удобный и родной, и он непременно согреет в ветреные, холодные дни. Джек Руссо для меня такой свитер.

– За старых друзей, – поддерживаю я, ощущая накатывающую ностальгию. Отделяюсь от нее очень быстро, ведь у меня теперь есть Майкл.

– Рад тебя видеть, – говорит Джек. – Ты потрясающе выглядишь, Анна. Слишком худая, но зато счастливая. Ты ведь счастлива, верно? Ты не забываешь поесть?

– Ем за двоих, – смеюсь я.

– Хорошо. Отлично. Похоже, мистер Правый сделал тебя счастливой.

Меня смешит его желание поддеть.

– Тебе он понравился бы, Джек. Он действительно заботится о людях.

«И обо мне», – добавляю я про себя. Не стоит расстраивать такими словами Джека.

– Я живу, иду вперед, и ты должен.

Он вертит в пальцах зубочистку с оливкой, и я вижу, что он о чем-то напряженно думает. Умоляю, только не надо возвращаться к прошлому!

– У твоей мамы все хорошо, – стараюсь я сменить тему. – У нее новое увлечение – Камни прощения.

– Я знаю, – смеется Джек. – Она на днях отправила мне мешочек и письмо на трех страницах с извинениями. Добрейший человек на свете просит у меня прощения.

Я улыбаюсь.

– Уже жалею, что рассказала ей об этих камнях. Она не расстается с этими мешочками, как и с шоколадом «Дав», который она всегда хранила около телевизора.

Джек кивает.

– Мне нравится эта идея. Я отправил свой камень отцу. Знаешь, он ведь женился во второй раз еще в 1990-м, я тогда отказался пойти на свадьбу.

– Ты думал о маме. Я уверена, отец тебя понял.

– Да, но ему было неприятно. Он по-настоящему счастлив с Шерон, сейчас я его понимаю. Знаешь, мне кажется, очень важно иметь возможность попросить прощения. Надеюсь, и мама когда-то сможет простить папу.

– Может, он никогда не просил у нее прощения?

Джек пожимает плечами.

– Может быть. Мне кажется, мама увлеклась одним мужчиной.

– Мужчиной? Твоя мама?

– Он живет в их доме. Мистер Салливан.

– Ты думаешь, у нее опять роман с Патриком Салливаном?

– Да. Я чувствую. Знаешь, после расставания с отцом у нее никого не было. Может, она всю жизнь ждала Салливана? Возможно, он единственный, кому удалось ее встряхнуть.

– Встряхнуть? Да ты романтик!

– Что? – спрашивает он с улыбкой, и над скулами появляется множество лучиков. – А мне удалось встряхнуть тебя.

– Немедленно прекрати, Руссо. – Я округляю глаза, но мне приятно шутить и смеяться вместе с Джеком.

– Я хотел сказать, мама заслужила немного любви, а этот Салливан, кажется, может дать ей все, что нужно. – Он пристально смотрит на меня. – Ты ведь знаешь, человек никогда не перестает любить.

В его словах я чувствую укор и поспешно отвожу взгляд.

– Пожалуй, мне пора, – говорю я и отставляю бокал.

Джек хватает меня за руку.

– Нет. Я хотел... мне надо поговорить с тобой.

Я ощущаю тепло его руки и вижу мольбу во взгляде. Сердце начинает биться чаще. Боже, надо сделать вид, что мне все равно.

– Твоя мама говорила, что с работой у тебя все в порядке. Ты не нашел места, где откроешь заведение «У Тони»? – Джек мечтал объехать весь мир в поисках идеального ресторана – местечка в стиле Тони Сопрано, – где убийцы собираются выпить мартини и приходят женщины в красных сапогах. Он говорил, что, если найдет такой, непременно купит его и назовет «У Тони».

Джек не выпускает мою руку и смотрит не моргая.

– Я женюсь, Анна.

– Что?

Вижу, как дрогнули мышцы на лице. Он молчит, лишь едва заметно кивает.

Вырываю руку. Мне неожиданно становится холодно. Мой любимый свитер не помогает.

– Поздравляю, – говорю я, с трудом разжав губы, и поднимаю бокал. Рука дрожит, и я проливаю немного на стол. Беру салфетки и обхватываю бокал двумя руками. Все эти манипуляции помогают мне хоть чем-то себя занять, пока я справляюсь с эмоциями.

– Знаешь, я решил, что ты должна знать. Я ведь дал тебе миллион шансов все вернуть. – Джек вздыхает. – Господи, как все глупо. Знаешь, Холли классная. Она тебе понравится. – Он широко улыбается. – А самое главное, что я ее люблю.

Мне опять становится трудно дышать. Холли. Он любит ее.

– А мама? – спрашиваю я дрожащим голосом. – Она знает?

– Она знала, что мы встречаемся, но не представляла, до какой степени серьезно. Мы решили для начала сказать тебе. Она беременна. Холли, конечно, а не мама.

Увидев на лице Джека счастливую улыбку, я неожиданно начинаю рыдать.

– О, прости, – бормочу я сквозь слезы. – Отличная новость. Не понимаю, что со мной. – Джек протягивает мне салфетку, и я промокаю глаза. – Малыш. Как прекрасно!

Ничего прекрасного. Похоже, я совершила серьезную ошибку.

– Мне жаль, что у нас так все сложилось, Анна. Ты была такая... непреклонная. У тебя нет полутонов, только черное и белое. Ты слишком резка и категорична в своих оценках.

Я поднимаю на него глаза.

– Резка? Ты переспал со стажером.

Джек поднимает палец.

– Один раз, о чем потом пожалел. Но дело не в этом. Просто я не подхожу тебе, Анна.

Как мило с его стороны дать мне возможность сохранить лицо. Как же я его люблю.

– Конечно нет. – Я улыбаюсь во весь рот. – Эти слезы только для того, чтобы тебя порадовать. – Я смеюсь и всхлипываю, смеюсь и всхлипываю. – Откуда тебе знать, подходишь ты мне или нет? Как ты можешь судить? – Я закрываю лицо руками.

Джек гладит меня по плечу.

– Если бы ты любила, то никогда не позволила бы мне уйти. Я ведь сказал, любовь никогда не проходит.

Я смотрю во все глаза и думаю, прав ли он. Может, у меня просто такой характер, я не способна прощать, а возможно, и любить. Я думаю о маме.

– Внутри тебя стальной стержень, Анна. Ты не согласна сгибаться даже чуть-чуть. Полагаю, в большинстве случаев это идет тебе на пользу.

Я резко беру сумку.

– Мне пора.

– Подожди. – Джек достает несколько купюр и бросает на стол.

Иду к выходу и слышу за собой его шаги. Я почти бегу, минуя лифт, не в силах оставаться в таком небольшом замкнутом пространстве с человеком, который совсем недавно был мне почти мужем. Распахнув дверь, бегу вверх по бетонной лестнице. За спиной по-прежнему слышатся глухие удары шагов.

В коридоре Джек хватает меня за локоть.

– Анна, стой. – Он заставляет меня повернуться к нему. Взгляд его теплеет. – Он существует, Анна, человек-огонь, который растопит сталь. Но это не я, Анна. Я никогда не был таким человеком.

Глава 8

Я выжидаю сорок минут и только потом звоню Майклу. Я слишком расстроена, оттого голос мой слегка дрожит, а я не хочу, чтобы он неверно истолковал мое волнение. Мои слезы никак не связаны с моими чувствами к Джеку. К счастью, Майкл не вполне трезв и не понимает, в каком я состоянии.

– Как Эбби? – интересуюсь я.

– Отлично, – отвечает он будничным тоном, и я начинаю сомневаться, была ли девочка вообще больна. Джек прав. Я слишком резка в оценках.

Вкратце рассказываю Майклу о том, как прошло собеседование.

– Я одна из трех отобранных кандидатов. Похоже, я им понравилась, но все будет известно через несколько недель. Сам знаешь, как нескоро принимаются такие решения.

– Поздравляю. Похоже, ты победила. – Он зевает, и я представляю, как он смотрит сейчас на часы на прикроватной тумбочке. – Что-то еще произошло?

У меня такое ощущение, что я офицер, рапортующий о происшествиях за день перед начальством.

– Нет, по сути, это все.

Я не собираюсь рассказывать ему о Джеке. Да и говорить тут не о чем. Однако, подавившись внезапному порыву, все же задаю вопрос:

– Я сложный человек, Майкл? Категоричный?

– Что?

– Я ведь могу измениться. Могу стать мягче, научиться прощать. Стать более открытой. Я действительно могу.

– Нет, милая. Ничего подобного. Ты самая лучшая.

Огромная гостиничная кровать кажется мне узкой. Тревожный сон полон образов Джека и его жены, Майкла и Эбби. Я ворочаюсь, стараясь выбросить из головы прошедшее собеседование и ложь о примирении с мамой.

Едва забрезжил рассвет, я вылезаю из пижамы и натягиваю спортивные лосины.

Я иду по дороге вдоль озера, засунув руки в карманы, и думаю о своем будущем. Что будет, если я действительно получу эту работу? Смогу ли я жить в этом городе? У меня нет здесь ни одной подруги, а теперь я потеряла и Джека.

Передо мной неспешно прогуливается привлекательная пара – женщина с каштановыми волосами и мужчина в плаще. На его плечах сидит очаровательный малыш. Что я готова отдать, чтобы поменяться с ними местами?

Я невольно начинаю думать о маме. Похоже, вся вселенная в заговоре против меня. Сначала Дороти уговаривает меня попросить прощения, потом это проклятое предложение о работе, которое заставляет меня чувствовать себя обязанной сделать первый шаг. И в довершение всего разговор с Джеком прошлым вечером и его высказывание о том, что настоящая любовь никогда не проходит. Неужели я незаслуженно строго отношусь к маме? Я выбрасываю эти мысли из головы прежде, чем успеваю прийти к какому-то выводу.

Старые мысли сменяют новые и новые. Вспоминаю мамину улыбку, с которой она смотрела на Боба, такую искреннюю и счастливую. Вспоминаю, как она каждое утро стояла у большого венецианского окна в нашей гостиной и ждала, когда появится его машина. Он тогда переделывал нашу кухню, и она, веселая, выходила ему навстречу с чашкой кофе. А в конце дня, когда Боб заканчивал работу, они пили холодный чай за домом, болтали и смеялись. Она слушала его с таким вниманием, будто его речь звучала для нее как музыка.

Она его любила. Несмотря на все ее недостатки, на то, какой она была матерью и другом, нельзя не признать, что Боба она любила всем сердцем.

Мне становится ясно, что тот плащ гнева, под которым я спряталась, похож на лоскутное одеяло, он соткан из страха и эмоций. Как страшно видеть, что твоя мать любит кого-то чужого мужчину. Тогда мне, ребенку, казалось, что ее чувства к Бобу означают отсутствие любви ко мне.

Останавливаюсь, чтобы посмотреть на серую гладь озера, разделяющую меня и маму. От порывов холодного ветра у меня начинает течь из носа. Где-то там, по ту сторону озера Мичиган, живет моя мама, живет и дышит.

Приседаю и обхватываю голову руками. А что, если она действительно пыталась со мной связаться? Смогла бы я ее простить в этом случае?

В голове всплывают слова Джека. *Стальной стержень. Только черное и белое. Категоричная.*

Я резко встаю, и от сильных эмоций у меня кружится голова. Оглянувшись, я поворачиваю в ту сторону, откуда пришла, и перехожу на бег.

Когда вхожу в гостиничный номер, я уже взвинчена до предела. Открываю ноутбук и через пять минут знаю ее адрес и номер телефона. В справочнике указано: Сьюзен Дэвидсон. Может, она все эти годы не меняла девичью фамилию только для того, чтобы мне было легче ее найти? Теперь она живет не в Блумфилд-Хиллз, а в Харбор-Ков. По телу бегут мурашки. Дорчестер-Лейн? Завожу адрес в Гугл и понимаю, что она живет в доме Боба, там я провела лето, когда мне было четырнадцать. Меня охватывает дрожь. Папа клялся, что мне никогда больше не придется переступить порог того дома. Трясущейся рукой я набираю номер, другой крепко сжимаю трубку цвета слоновой кости, решив позвонить с гостиничного телефона, а не с мобильного. Так она не поймет, что это я. С каждым гудком мое сердце бухает все сильнее. Раз... два...

Я невольно вспоминаю все телефонные разговоры за три года – со дня моего отъезда до шестнадцатилетия. На меня обрушивался поток вопросов, на которые я односложно отвечала. Мне не нравилось, что ее так интересуется моя жизнь в Атланте, я дала себе слово не позволять ей вмешиваться. Если ей так любопытно, как я живу, пусть берет себя в руки и возвращается домой.

Наконец она отвечает:

– Слушаю.

Я открываю рот и тут же прикрываю его рукой.

– Слушаю. Говорите, – повторяет она.

Она говорит тихо, акцент, выдающий происхождение из Пенсильвании, едва уловим. Мне так хочется еще послушать голос, который не слышала с шестнадцати лет.

– Здравствуй, – тихо-тихо говорю я.

Она ждет несколько секунд, надеясь, что ей скажут что-то еще, но не выдерживает:

– Извините, кто это?

У меня перехватывает дыхание. Она не узнала собственную дочь. Впрочем, почему и нет? Я и не надеялась... наверное...

По непонятной мне самой причине это обижает. Я с трудом сдерживаю себя, чтобы не прокричать: «Я твоя дочь». Та, которую ты бросила. Но я сжимаю губы и сглатываю.

– Я ошиблась, – хрипло произношу и вешаю трубку.

Обессилен, я кладу голову на стол, и тоска наваливается на меня с полной силой.

Она же моя мать. Единственная, кого я по-настоящему любила. Поднимаюсь со стула, беру сумку и достаю мобильный телефон. На этот раз я набираю номер Дороти.

– Ты не занята? – спрашиваю я.

– Я всегда свободна для моей девочки. Что случилось, милая?

– Как ты думаешь, отец говорил правду о письмах – или письме – от мамы? Ты веришь в это, Дороти?

Сжимаю телефон и напряженно жду ответа, от которого будет зависеть очень многое.

– Милая, – ласково отвечает Дороти, – это был один из тех немногих моментов, когда я ему поверила.

Глава 9

В десять часов я приезжаю в аэропорт О'Хара. Вместо того чтобы поменять билет и вылететь домой раньше, я покупаю новый до города Гранд-Рапидс, штат Мичиган.

– Есть рейс в одиннадцать часов четыре минуты, – сообщает мне девушка за стойкой «Дельты». – Учитывая разницу во времени, вы прибудете в двенадцать пятьдесят семь. Вылет в Новый Орлеан завтра вечером, приземлитесь в двадцать два часа пятьдесят одну минуту.

Я киваю и протягиваю банковскую карту.

К выходу я подхожу за десять минут до начала посадки, сажусь в свободное кресло и открываю сумку. Однако вместо того, чтобы искать мобильный, как собиралась, я достаю бархатный мешочек. Камешек перекатывается на ладонь. Поглаживая пальцем отполированную бежевую поверхность, я думаю о Фионе Ноулс. Два года назад она выбрала этот камень для меня. И все четко спланировала. Не будь этого, я бы сейчас не сидела в аэропорту.

Изо всех сил сжимаю камень. Хочется верить, что я поступаю правильно. Господи, помоги. Пусть этот камешек позволит мне построить мост, а не стену.

Прямо передо мной сидит молодая женщина и заплетает дочери косу. Она улыбается, а девочка недовольно что-то говорит. Скорее всего, я напрасно возлагаю такие надежды на эту поездку, не думаю, что она будет удачной и мы с мамой сможем помириться.

Я убираю камень на место и наконец достаю телефон. Интересно, как отреагирует Майкл, когда узнает, что лечу в Мичиган? Помнит ли он, что я говорила ему о маме и ее друге?

Медленно нажимаю на кнопки, впервые, пожалуй, радуясь, что Майкл занятой человек. Может, мне лучше отправить сообщение?

– Анна! – восклицает он. – Доброе утро, любимая.

Черт. Ну надо же...

– Доброе утро. – Я стараюсь говорить спокойно. – Не могу поверить, что застала тебя.

– Уже бегу навстречу. Что-то случилось?

– Ни за что не догадаешься. Я лечу в Мичиган. Решила, раз уж я здесь, навещу свою мать. Я выпалила все это на одном дыхании и теперь жду его реакции.

– Думаешь, это необходимо? – наконец раздается в трубке его голос.

– Да. Я должна попытаться ее простить. Мне надо навести порядок в прошлом, прежде чем двигаться в будущее.

Мысль, принадлежащая Дороти, позволяет мне почувствовать себя мудрее.

– Ну, если ты так решила... Только позволь дать тебе один совет. Не рассказывай об этом никому. Твоя личная жизнь – только твое дело.

– Разумеется, – говорю я и внезапно понимаю, что Майкл просто не хочет, чтобы моя репутация подпортила ему жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.